

Санкт-Петербургский университет пореформенного времени в письмах Владимира Оpatовича

Е. А. Ростовцев, Н. В. Гольцов

Для цитирования: *Ростовцев Е. А., Гольцов Н. В.* Санкт-Петербургский университет пореформенного времени в письмах Владимира Оpatовича // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 4. С. 849–879. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.402>

Статья реконструирует жизненный и карьерный путь выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета В. К. Оpatовича (1852–1893) и содержит научную публикацию писем В. К. Оpatовича к своему кузену, преподавателю историко-филологического факультета и известному ученому И. В. Помяловскому (1845–1906). Центральной темой писем является жизнь Санкт-Петербургского университета первой половины 1870-х гг. в самых разных проявлениях — чтении лекций, экзаменах, подготовке сочинений на соискание университетских медалей, взаимоотношениях студентов и профессоров, университетских диспутах, деятельности министерских чиновников в университете, университетских годовщинах, других аспектах повседневной жизни универсантов. В письмах немало страниц посвящено преподавателям университета — И. Е. Андреевскому, В. В. Бауеру, Н. М. Благовещенскому, В. Г. Васильевскому, И. Я. Горлову, М. И. Горчакову, А. Д. Градовскому, Л. Б. Дорну, И. И. Ивановскому, В. А. Лебедеву, Ф. Ф. Мартенсу, М. М. Михайлову, С. В. Пахману, В. П. Полисадову, П. Г. Редкину, Ф. Ф. Соколову, И. И. Срезневскому, Н. С. Таганцеву, А. П. Чебышеву-Дмитриеву и др. Особое внимание В. К. Оpatович уделяет людям и событиям юридического факультета. В этом контексте в статье анализируется роль юридического факультета в системе университетского преподавания. Отмечается, что студенты юридического факультета в рассматриваемый период составляли большинство университетских уча-

Евгений Анатольевич Ростовцев — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0002-5833-448X>, e.rostovtsev@spbu.ru

Evgeniy A. Rostovtsev — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-5833-448X>, e.rostovtsev@spbu.ru

Никита Владимирович Гольцов — лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0003-4164-3945>, goltsov-nikita@mail.ru

Nikita V. Goltsov — Research Assistant, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0003-4164-3945>, goltsov-nikita@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда в рамках проекта № 23-28-10296 по проведению научных исследований «Санкт-Петербургский университет — центр подготовки элиты российского общества (1819–1917)», руководитель И. Л. Тихонов.

The work was supported by the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation within the framework of scientific research “St. Petersburg University — the center of training of the elite of Russian society (1819–1917)”, project no. 23-28-10296, head I. L. Tikhonov.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

щихся. Юридический факультет последней трети XIX в. привлекал, с одной стороны, сравнительно не обременительной в учебном отношении системой подготовки, с другой стороны, карьерными перспективами, открывавшимися перед его выпускниками. Важную роль в популярности факультета играли и его профессора, многие из которых обладали выдающимися ораторскими способностями. Все эти особенности жизни юридического факультета и представлений о нем в умах современников нашли яркое подтверждение в письмах В. К. Оpatовича. Важно, что уже по окончании университета, будучи чиновником Главного управления почт и телеграфов, В. К. Оpatович не порывал ментальной связи со своей alma mater, стремясь привлекать в свое учреждение перспективных выпускников факультета.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский университет, юридический факультет, профессора, студенчество, чиновничество, выпускники, эпистолярные источники, письма.

Saint Petersburg University of the Post-Reforms Period in the Letters of Vladimir Opatovich

E. A. Rostovtsev, N. V. Goltsov

For citation: Rostovtsev E. A., Goltsov N. V. Saint Petersburg University of the Post-Reforms Period in the Letters of Vladimir Opatovich. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 4, pp. 849–879. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.402> (In Russian)

The article reconstructs the life and career path of V. K. Opatovich (1852–1893), a student and graduate of the Faculty of Law of St. Petersburg University, and contains a scientific publication of V. K. Opatovich's letters to his cousin, a teacher of the Faculty of History and Philology and a famous scientist I. V. Pomialovsky (1845–1906). The central theme of the letters is the life of St. Petersburg University in the first half of the 1870s in various manifestations — lectures, examinations, preparation of essays for university medals, relations between students and professors, university debates, activities of ministerial officials at the university, university anniversaries, and other aspects of everyday life of universal students. On the pages of the letters much space is given to the university professors — I. E. Andreevsky, V. V. Bauer, N. M. Blagoveschensky, V. G. Vasilievsky, I. Y. Gorlov, M. I. Gorchakov, A. D. Gradovsky, L. B. Dorn, I. I. Ivanovsky, V. A. Lebedev, F. F. Martens, M. M. Mikhailov, S. V. Pakhman, V. P. Polissadov, P. G. Redkin, F. F. Sokolov, I. I. Sreznevsky, N. S. Tagantsev, A. P. Chebyshev-Dmitriev and others. V. K. Opatovich pays special attention to the people and events of the Faculty of Law. In this context, the article analyzes the role of the law faculty in the system of university teaching. The Law Faculty of the last third of the XIX century attracted, on the one hand, a relatively unburdened system of training, on the other hand, the career prospects open to its graduates. All these features of the life of the Faculty of Law and the perceptions of it in the minds of contemporaries found vivid confirmation in the letters of V. K. Opatovich.

Keywords: St. Petersburg University, Faculty of Law, professors, students, officials, alumni, epistolary sources, letters.

Адресат публикуемых писем — выдающийся филолог-классик, археолог и византинист Иван Васильевич Помяловский (1845–1906). Большая часть жизни ученого была тесно связана с историко-филологическим факультетом Санкт-Петербургского университета, студентом (1863–1867 гг.), оставленным для подготовки к профессорскому званию (1867–1869 гг.), преподавателем древних языков (1867–1869 гг.), доцентом (1869–1873 гг.), профессором (1873–1897 гг.) и деканом

(1887–1897 гг.) которого он был¹. Между тем практически ничего не известно об адресанте писем — Владимире Константиновиче Опатовиче, кузене И. В. Помяловского (их матери, Параскева Ивановна Опатович² и Ольга Ивановна Помяловская, приходились друг другу родными сестрами).

В. К. Опатович родился 29 июня 1852 г. в Санкт-Петербурге в семье священника Воскресенской Малоколоменской церкви Константина Ивановича Опатовича (1821–1872)³. К. И. Опатович происходил из местечка Горынград Ровенского уезда Волынской губернии, где служил священником его отец⁴. В 1843–1847 гг. он обучался в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил со степенью магистра, представив диссертацию «О влиянии христианских таинств на нравственность»⁵. В 1848 г. К. И. Опатович был рукоположен во священники строящейся церкви Воскресения в Малой Коломне, где служил на протяжении 24 лет, вплоть до своей смерти, последовавшей 12 ноября 1872 г.

Определенную известность в церковных кругах получил другой представитель этой семьи — младший брат К. И. Опатовича протоиерей Стефан Иванович Опатович (1831–1892)⁶. По окончании Санкт-Петербургской духовной академии (1857 г.) он был назначен преподавателем Олонецкой духовной семинарии, но уже через год переведен священником православной церкви на Смоленском кладбище, где служил на протяжении 34 лет. Помимо пастырской работы С. И. Опатович с 1874 г. состоял членом Комитета по описанию Санкт-Петербургской епархии, в 1864–1866 гг. регулярно печатался в журнале «Странник», в 1872 г. выступал с публичными чтениями «О святой земле».

Вернемся к фигуре автора писем. В 1869 г. по окончании Пятой Петербургской (Аларчинской) гимназии с золотой медалью⁷ В. К. Опатович поступил на юридическое отделение юридического факультета Санкт-Петербургского университета⁸, который он окончил в 1873 г. Согласно выданному ему 2 июня 1873 г. диплому, он «выслушал полный курс наук по юридическому разряду юридического факультета и оказал на испытаниях следующие познания: в богословии, римском праве, истории философии права, политической экономии, финансовом праве, полицейском праве, русском государственном праве, русском гражданском судопроизводстве, истории русского права, русском уголовном праве, русском уголовном судопроизводстве, русском гражданском праве, международном праве, церковном праве

¹ См. подробнее о жизни и научной деятельности И. В. Помяловского: *Смышляева В. П.* Помяловский Иван Васильевич // *Словарь петербургских антиковедов XIX — нач. XX века: в 3 т.* Т. II. СПб., 2021. С. 617–623; *Медведев И. П.* И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга.* СПб., 2004. С. 207–240; *Цветавев И. В.* Учено-литературная деятельность проф. И. В. Помяловского // *Филологическое обозрение.* 1897. Т. XIII, № 2. С. 191–203; и др.

² [Копия метрического свидетельства] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3864. Л. 19.

³ Там же.

⁴ В. Б. Протоиерей С. И. Опатович. (Некролог) // *Киевская старина.* Ежемесячный исторический журнал. 1892. Т. XXXVII. Апрель. С. 438.

⁵ *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. 324.

⁶ См. о нем: Там же; В. Б. Протоиерей С. И. Опатович. (Некролог). С. 438–443.

⁷ [Аттестат В. К. Опатовича, выданный Пятой Санкт-Петербургской гимназией. 14 июня 1869 г. Копия] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3864. Л. 18.

⁸ [Прошение В. К. Опатовича на имя ректора Санкт-Петербургского университета. 1869 г.] // Там же. Л. 17–17 об.

и английском языке — отличные, в энциклопедии юридических и политических наук и истории римского права — хорошие, в судебной медицине — достаточные»⁹. По представлении диссертации он был удостоен ученой степени кандидата права и утверждён в ней Советом университета 31 мая 1873 г.¹⁰

Университетский этап жизни В.К. Опатовича поддается реконструкции не только формальным образом, но и с точки зрения описания повседневности и внутреннего мира молодого человека, благодаря публикуемым ниже письмам. Своим возникновением они обязаны научным командировкам И.В. Помяловского в Италию и Германию, состоявшимся в 1869–1871 и 1873 гг. Во время пребывания в Европе молодой доцент по кафедре римской словесности не переставал интересоваться событиями, происходящими в своей *alma mater*. Естественно, что его кузену В.К. Опатовичу, в это время обучавшемуся на юридическом факультете, выпала роль информатора о событиях из жизни университета. К последним можно отнести магистерские и докторские диспуты, темы студенческих сочинений для соискания медалей, кадровые изменения в профессорско-преподавательской корпорации, ежегодные торжественные акты и связанные с ними корпоративные практики.

Вместе с тем в своей корреспонденции В.К. Опатович уделял немалое место личным впечатлениям о профессорах юридического факультета: их личностным качествам, манерам чтения лекций и особенностям приема экзаменов. Письма рисуют широкую панораму жизни академических кругов, куда входили выдающиеся ученые-правоведы и профессора юридического факультета столичного университета пореформенного периода. Среди них П. Г. Редкин, А. Д. Градовский, Л. Б. Дорн, М. И. Горчаков, И. Е. Андреевский, М. М. Михайлов, В. А. Лебедев, И. Я. Горлов, И. И. Ивановский, Н. С. Таганцев, С. В. Пахман, А. П. Чебышев-Дмитриев, Ф. Ф. Мартенс, И. М. Сорокин и др. Впрочем, автор писем не ограничивается информацией о деятельности ученого сословия только этого факультета: немалое внимание уделяется деятелям историко-филологического факультета, несомненно, интересующим его корреспондента (В. В. Бауер, Н. М. Благовещенский, В. Г. Васильевский, О. Ф. Миллер, Ф. Ф. Соколов, И. И. Срезневский), упоминаются и профессора других факультетов, а также профессор внефакультетской кафедры богословия В. П. Полисадов. В этом контексте вводимый настоящей публикацией в широкий, как хотелось бы надеяться, научный оборот источник может быть востребован в исследованиях по биографике Санкт-Петербургского университета, которые интенсивно ведутся в рамках современных *university studies*¹¹.

⁹ [Копия диплома В.К. Опатовича] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3864. Л. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета: в 3 т. / отв. ред. Н. Я. Олесич. СПб., 2002–2005; Знаменитые универсанты в духовном мире России. СПб., 2011; Универсанты в мире искусства: биографические очерки / [редколл.: Н. Я. Олесич и др.]. СПб., 2008; Многонациональный мир Петербургского университета / отв. ред. Н. Я. Олесич. СПб., 2010; Университет Олимпийский: спортивный мир Петербургского университета. СПб., 2013; *Сидорчук И. В.* Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета // *Международные отношения и диалог культур.* № 4 (2015). СПб., 2016. С. 224–235; *Дворниченко А. Ю., Ростовцев Е. А., Баринов Д. А.* Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* История. 2019. Т. 64, № 1. С. 24–52; и др.

Следует отметить, что юридический факультет в пореформенном столичном университете традиционно занимал ведущую позицию по количеству студентов. В период, описываемый В. К. Опатовичем, то есть в начале 1870-х гг., их число составляло порядка 70 % от всего университетского студенчества¹². Это доминирование объяснялось разными обстоятельствами, в том числе тем, что программы юридического факультета не предполагали углубленной специализации и практических занятий, что позволяло студентам достаточно свободно посещать (или не посещать) занятия, как хорошо видно из публикуемых ниже эпистолярных источников. С одной стороны, этот факультет привлекал деятелей искусства и литераторов, в частности на нем учились Л. Н. Андреев, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, М. В. Врубель, И. Э. Грабарь, С. П. Дягилев, М. В. Добужинский, М. М. Зощенко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. Д. Поленов, Н. К. Рерих, И. Ф. Стравинский, Н. Н. Черепнин и др.¹³ С другой стороны, факультет, несомненно, служил базой для подготовки российского чиновничества. Достаточно сказать, что в период учебы в университете автора публикуемых писем студентами юридического факультета являлись два будущих премьера России В. Н. Коковцов и Б. В. Штюрмер¹⁴. Среди его выпускников пореформенного времени десятки человек стали членами Государственного совета и Государственной думы Российской империи, министрами, сенаторами и т. п. Однако не только чиновничий аппарат империи невозможно представить без питомцев юридического факультета, но и освободительное/революционное движение. Среди его студентов и выпускников последней трети XIX — начала XX в. представители самых разных революционных партий — Д. Н. Благоев, П. В. Дашкевич, Н. В. Дорошенко, Д. И. Игнатов, А. Н. Замятин, П. А. Красиков, Н. Н. Крестинский, Д. З. Мануильский, В. Р. Менжинский, М. С. Ольминский, Г. Л. Пятаков, Б. В. Савинков, М. А. Сильвин, В. А. Энгель и др. Если в описываемый период в университете активно действовали партии «нечаевцев» и «чайковцев», то затем в студенческом движении стали превалировать социал-демократы. Кстати, напомним, что в 1891 г., то есть примерно через 20 лет после описываемых в письмах событий, по юридическому факультету экстерном сдавал экзамены В. И. Ульянов (Ленин), будущий лидер партии большевиков.

Так или иначе университет этой эпохи, в том числе его юридический факультет, — центр воспитания элиты общества. Профессора, в особенности на юридическом факультете, выступали не только как ученые, но и как общественные деятели, призванные образовывать новые поколения молодежи и, несомненно, борющиеся за ее внимание. Интересно, что лекции, воспринимавшиеся как театральные представления, в то время редко конспектировались студентами, на что указывает и публикуемый источник. Для подготовки к экзаменам существовали литографические курсы, которые студенты покупали, а потом передавали или продавали следующим поколениям. Для того чтобы в этих условиях завлечь молодую аудиторию на лекцию, требовался немалый уровень ораторского искусства. Из публикуемых писем

¹² Памятный листок о профессорах и студентах Петербургского университета за 1871 г. [СПб.], 1872. С. 2–3.

¹³ См.: *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX вв.). М., 2017. С. 185.

¹⁴ См., например: *Ростовцев Е. А., Баринев Д. А., Сосницкий Д. А.* Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14: Право. 2015. Вып. 4. С. 113.

очень хорошо видно, что профессорские выступления оценивались студентами как театральными критиками. Сходство лекционного преподавания с театральным искусством выражалось даже в деталях поведения профессоров. По воспоминаниям одного из современников, часто упоминаемый В. К. Опатовичем историк русского права профессор А. Д. Градовский «всегда пригадывал кончить лекцию под рукоплескания и, выходя из аудитории, проходя коридором, оборачивался и раскланивался; с каждым поклоном рукоплескания вскипали»¹⁵.

Надо отметить, что по многим пунктам наблюдения В. К. Опатовича очень созвучны воспоминаниям современников об университете 1860–1870-х гг., которых известно достаточно много¹⁶. Однако, что касается дневникового и эпистолярного наследия, здесь ситуация иная. Дело в том, что, хотя в известных синхронных источниках личного происхождения те или иные сюжеты университетской жизни нередко упоминаются, нам трудно указать на аналогичные по насыщенности университетской тематикой комплексы источников. Между тем хорошо известны отличия между ретроспективными и синхронными источниками с точки зрения принципов конструирования нарратива. В случае университетской истории обычно мы имеем воспоминания об университете, рассматривающие события и явления университетской жизни либо в социальной ретроспективе (университет как центр противостояния общества и власти), либо в контексте сформированных впоследствии представлений мемуаристов об истории науки или корпорации. Публикуемый комплекс источников свободен от этих «пред-мнений», при всей насыщенности изложения мы не найдем здесь упоминаний социальных кумиров студенчества и общества (В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого и др.) или корпорации (А. Н. Бекетова или Д. И. Менделеева), которые почти неизменно в положительном или изредка негативном контексте присутствуют в том или ином составе в любых воспоминаниях об университете того времени. Возникающие на страницах писем фигуры профессоров и деятелей министерства по большей части также лишены сформировавшихся впоследствии оценочных идеологических коннотаций. Автор даже не упоминает ни разу фамилию ректора (К. Ф. Кесслера), вероятно, потому что повода для обращения к его фигуре не возникло. Зато письма изобилуют бытовыми сторонами университетской жизни, которые редко так подробно рассматриваются в воспоминаниях (как достать книги, требуемые для занятий? как лучше записаться на экзамен? как его пройти? как экзаменаторы «резали», а студенты переживали? что происходило на банкете в честь университетской годовщины? и т. п.). Именно в этом нам видится значительная ценность публикуемых материалов.

¹⁵ Волконский С. М. Мои воспоминания: в 2 т. Т. II. М., 1992. С. 48.

¹⁶ Профессор Санкт-Петербургского университета А. А. Иностранцев: к 170-летию со дня рождения / подгот. текста В. В. Аркадьева, коммент. В. А. Прозоровского, И. Л. Тихонова. СПб., 2014; Пеликан А. А. Во второй половине XIX века. Студенческие годы. В Петербургском университете // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 130–145; № 4. С. 167–185; Успенский Ф. И. Петербургский университет в 1867–1871 гг. (по воспоминаниям студента) // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 163–174; Клеменц Д. А. В Петербурге // Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925. С. 117–126; Корш Е. В. Отзвуки далекого прошлого // Русская старина. 1918. CLXXIV. Март — июнь. С. 59–91; Никифоров Л. П. Мои тюрьмы // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 168–173; Цветаев И. В. Из студенческих воспоминаний об И. И. Срезневском // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. 1. Пг., 1916. С. 278–300; Никольский А. М. Из воспоминаний зоолога А. М. Никольского // Из истории биологических наук. Вып. 1. М., Л., 1966. С. 79–104; и др.

Что касается дальнейшей судьбы автора писем, то она не была связана с университетом, в отличие от судьбы их адресата И. В. Помяловского, хотя духовной связи с alma mater В. К. Опатович никогда не порывал. В июне — октябре 1873 г. свежеиспеченный кандидат права совершил заграничную поездку, в ходе которой посетил Берлин, Вену, Мюнхен, швейцарский курорт Бад-Рагац, Дрезден, Берн, Женеву, Лозанну и др. Описание путешествия и впечатления от его первого выезда за пределы России также нашли свое отражение в письмах И. В. Помяловскому¹⁷. Во время поездки В. К. Опатович встретил своих университетских профессоров П. Г. Редкина и А. П. Чебышева-Дмитриева — героев ряда пассажей публикуемых писем¹⁸.

Следующий этап жизни В. К. Опатовича был связан с государственной службой в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, куда он был определен в декабре 1873 г.¹⁹ Карьера чиновника в стенах этого подразделения развивалась следующим образом: 15 октября 1874 г. он был назначен помощником столоначальника департамента, 9 ноября 1876 г. — младшим столоначальником, а 20 марта 1882 г. — старшим столоначальником²⁰.

Государственная служба, наравне с личной и семейной жизнью, предстает одной из основных тем писем В. К. Опатовича И. В. Помяловскому. В этом контексте его эпистолярное наследие можно рассматривать как источник по истории российского чиновничества. Так, вскоре после очередного назначения, в марте 1882 г., В. К. Опатович сообщал кузену: «Твой покорнейший слуга сделан к Пасхе старшим столоначальником, и на него возложено редактирование (корректур) 6-го тома известного тебе сборника материалов по изданию городского положения. Ревизия окончена, ревизор нашел и донес по начальству, что ни в одном отделении Хозяйств[енного] департамента не ведутся дела так хорошо, как в нашем»²¹. В июне того же года чиновник был назначен управляющим Вторым городским отделением Хозяйственного департамента на время отпуска начальника²². Этой «новой радостью» он также не преминул поделиться с кузеном накануне выхода соответствующего приказа: «На время отъезда Кострова²³ Вишняков²⁴ предложил мне управлять всем нашим отделением. Этого не ждал ни я, ни кто-либо другой, тем более что мне теперь придется ездить с докладами к графу Толстому²⁵. И радостно-то,

¹⁷ См. три письма В. К. Опатовича И. В. Помяловскому от 13 (25) июня, 12 (24) августа и 8 (20) сентября 1873 г. (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1074. Л. 23–28). Второе заграничное путешествие в Италию, Францию, Германию и Швейцарию В. К. Опатович совершил в 1879 г. (Там же. Л. 44–49 об.).

¹⁸ [Письмо В. К. Опатовича И. В. Помяловскому. 8 (20) сентября 1873 г.] // Там же. Л. 27.

¹⁹ Формулярный список о службе старшего столоначальника Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел коллежского советника Опатовича. Составлен по 19 октября 1889 // РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 820. Л. 68 об. — 69.

²⁰ Там же. Л. 69 об. — 70 об.

²¹ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 29 марта 1882 г. // ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1075. Л. 3–3 об.

²² Формулярный список... Л. 71 об.

²³ Костров Михаил Степанович — начальник II городского отделения Хозяйственного департамента МВД.

²⁴ Вишняков Александр Григорьевич (1836–1912) — государственный деятель, публицист, историк, директор Хозяйственного департамента МВД (1880–1891 гг.), впоследствии сенатор (1891–1912 гг.).

²⁵ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) — министр народного просвещения (1866–1880 гг.) и обер-прокурор Святейшего синода (1865–1880 гг.); министр внутренних дел (1882–1889 гг.).

и страшно — целых 2 стола совсем незнакомых. Вишн[яков] добавил, что ему хочется ближе познакомиться со мною и посмотреть, как я умею работать»²⁶. Спустя месяц В. К. Опатович рапортовал об успехах своего пребывания в этом качестве: «Я был уже три раза у Дмитрия Андреевича [Толстого] и теперь только первый раз Вишняков дал мне “отдохнуть”. Из этого я заключаю, что меня поставили на хороший счет и радуюсь, тем более что есть и такие начальники отделений (Рыбалтовский²⁷), которые еще ни на одном докладе не были»²⁸. Ключевой темой следующего письма вновь стали служебные успехи: «Благодарю Бога, пока дела мои идут так хорошо, как я и не ожидал. В денежных летних наградах меня значительно повысили в сравнении с прочими столоначальниками, да, кроме того, Вишняков в одном из разговоров дал мне весьма прозрачный намек, что считает меня “талантом”. Скальковский же (вице-директор)²⁹ передал мне (правда, косвенным образом) благодарность за то, что на одном из докладов у министра я сгладил дурное впечатление, произведенное предыдущим начальником отделения. В этот знаменательный доклад министр (по моему уходу) выразился Вишнякову, что я — “бойкий”. Что из этого будет — не знаю, но Вишн[яков] обещал дать мне какую-то особую работу. — Как видишь, все мои интересы теперь только на этом и вертятся; жизнь идет очень монотонно и однообразно...»³⁰

Однако вскоре ситуация кардинально изменилась: со второй половины 1880-х гг. лейтмотивом писем В. К. Опатовича становится разочарование своим служебным положением, коллегами и местом службы. Впервые оно возникло в январе 1885 г. в связи с несостоявшимся повышением. Тогда В. К. Опатович писал Кузну: «На службе меня действительно провели за нос: умер один из начальников отделений, и на его место назначен не я, а секретарь — ровесник мой по службе (даже на несколько дней или неделю моложе) — дурак, формалист, а главное — лакей»³¹. Спустя полтора года, со смертью очередного начальника отделения, ситуация повторилась. Вопреки уверенности В. К. Опатовича в своем скором назначении как единственного возможного кандидата это место длительное время оставалось вакантным. В виду этого он даже делился с И. В. Помяловским мыслями покинуть Хозяйственный департамент, прося его протекции в поиске нового места³². «Во всяком случае, — писал чиновник, — то промедление, которое вышло в назначении, я считаю оскорблением для себя даже и тогда, если я буду назначен — потому что других лиц, принадлежащих к категории лизателей, назначали чуть не на живое место»³³. Однако худшие опасения В. К. Опатовича подтвердились: на желанную им вакансию было назначено «совсем неожиданное» лицо, что очень расстроило несостоявшегося начальника отделения³⁴.

²⁶ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 9 июня 1882 г. // ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1075. Л. 8.

²⁷ Рыбалтовский Юлий Александрович (1844–1901) — начальник I отделения Хозяйственного департамента МВД.

²⁸ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 30 июня 1882 г. // ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1075. Л. 10.

²⁹ Скальковский Александр Аполлонович (1841–1893) — вице-директор Хозяйственного департамента МВД.

³⁰ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 28 августа 1882 г. // ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1075. Л. 12 об. — 13.

³¹ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 20 января 1885 г. // Там же. Д. 1076. Л. 3–3 об.

³² В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 15 июня 1886 г. // Там же. Л. 45–46 об.

³³ Там же. Л. 45 об.

³⁴ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 21 августа 1886 г. // Там же. Д. 1077. Л. 65 об.

Происшедший после этого инцидента разговор В. К. Опатовича с начальником департамента А. Г. Вишняковым ни к чему не привел. По свидетельству чиновника, тот наплел ему «турусы на колесах», «задушевым тоном» заявив о невозможности повлиять на ситуацию, несмотря на свое расположение к нему³⁵. «Повторяю, что мое мнение о вас не изменилось, и я вам одно могу сказать: “имейте терпение, будьте мужчиной”»³⁶, — так, без каких бы то ни было обещаний, заканчивал свою речь начальник департамента (автор писем остроумно определил ее как «образчик дипломатического умения говорить»³⁷). При этом причиной своей служебной неудачи В. К. Опатович видел интриги действующего начальника отделения М. С. Кострова³⁸.

Все это привело к тому, что Хозяйственный департамент казался автору писем «до того постылым, что просто не хочется ходить», а требования начальства воспринимались как «приказания выучить урок»³⁹. Неудивительно, что последующая переписка, затрагивающая служебные дела, была посвящена преимущественно хлопотам о переводе в другие места и рассуждениям о карьерных перспективах в них. При этом с течением времени обстановка в Хозяйственном департаменте воспринималась В. К. Опатовичем все более критично. «О, хоть бы Господь Бог унес меня поскорее из этой помойной ямы»⁴⁰, — писал он в мае 1887 г.

В январе 1888 г. В. К. Опатович встретился на свадьбе дочери А. Г. Вишнякова с помощником начальника Главного управления почт и телеграфов А. А. Скальковским, ранее служившим вице-директором Хозяйственного департамента. Запомнив В. К. Опатовича с лучшей стороны, он, по словам автора писем, «чуть не облобызал» его и «был поражен» тем, что тот до сих пор не получил должность начальника отделения⁴¹. Между тем В. К. Опатович продолжал жаловаться двоюродному брату: «Работать становится с каждым днем все несноснее и несноснее при своеобразном и грубом обращении Вишн[якова], которому не знаешь, как угодить, а исхода для себя тоже не видишь никакого, никакого понурения или ободрения»⁴². В сентябре 1889 г. искомая В. К. Опатовичем должность вновь оказалась вакантной, но на это место предполагалось назначение секретаря департамента А. С. Ключарева — жениха второй дочери А. Г. Вишнякова. «Не правда ли мило? — иронизировал по этому поводу В. К. Опатович. — Наш департамент будет не хозяйственный, а семейственный; до всех служащих нам дела нет, лишь бы себе было тепло!»⁴³

Развязка обозначилась летом 1889 г., когда В. К. Опатович переговорил с упомянутым А. А. Скальковским по поводу открывавшейся вакансии начальника отделения в Главном управлении почт и телеграфов⁴⁴. «Он отнесся ко мне весьма сочувственно и обещал свое полное содействие, хотя не мог поручиться за успех, так как Главноуправляющий оставляет весь личный состав своему единственно

³⁵ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 2 сентября 1886 г. // Там же. Д. 1076. Л. 52–53 об.

³⁶ Там же. Л. 53.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 53 об.; В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 5 сентября 1886 г. // Там же. Л. 54 об. — 55.

³⁹ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 10 сентября 1886 г. // Там же. Л. 57.

⁴⁰ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 20 мая 1887 г. // Там же. Д. 1077. Л. 21 об.

⁴¹ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 11 января 1888 г. // Там же. Л. 48–48 об.

⁴² В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 16 ноября 1888 г. // Там же. Л. 70.

⁴³ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 16 сентября 1889 г. // Там же. Д. 1078. Л. 16 об.

⁴⁴ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 17 августа 1889 г. // Там же. Л. 13 об. — 14.

усмотрению»⁴⁵, — писал чиновник. Долгожданный перевод, — правда, в должности старшего помощника делопроизводителя I отделения, — состоялся в октябре 1889 г.⁴⁶ «Начали мы теперь, с новой службою, и новую жизнь, — писал вскоре после своего назначения В. К. Опатович. — Нет уже того безобразия, которое было в Хозяйственном департаменте... серьезного в моем делопроизводстве пока очень мало — все более разыскание пропавшей корреспонденции. Отношения к начальству и к сослуживцам совсем иные, да и люди совсем другие»⁴⁷.

В скором времени, в 1890 г., автор публикуемых писем получил заветную должность начальника II отделения управления почт и телеграфов⁴⁸. В этом качестве он стремился через И. В. Помяловского привлечь к службе в этом управлении зарекомендовавших себя молодых специалистов — выпускников своей *alma mater*, а именно «студентов-юристов медальеров»⁴⁹. Эта инициатива встретила горячее сочувствие начальника учреждения генерала-лейтенанта Н. А. Безака, высказавшегося «о необходимости очистить Управление от того хлама, который засел у нас и не дает хода другим»⁵⁰. Он же выразил готовность «принять к себе на службу и простых кандидатов, не медальеров, если университетское начальство даст им хорошую рекомендацию»⁵¹.

Кроме того, Н. А. Безак, стремясь «придать почтовому делу научное основание», также планировал привлечь студентов столичного университета к делу «научной разработки отдельных вопросов о лучшем устройстве почты»⁵². В. К. Опатович отмечал в письме кузену, что в этом вопросе Управление рассчитывало «на большое содействие со стороны университетского начальства», как располагающего «всеми научными силами». Он же выступил с идеей предложить студентам соответствующую тему для соискания медали, полагая что этот шаг обогатит скудную литературу по данному вопросу⁵³.

Стоит отметить, что еще во время службы в Хозяйственном департаменте В. К. Опатович дослужился до чина коллежского советника (1888 г.) и стал кавалером ряда орденов: св. Станислава III (1877 г.) и II (1882 г.) степени, св. Владимира IV степени (1885 г.), св. Анны III (1879 г.) и II степени (1889 г.)⁵⁴.

Что касается личной жизни В. К. Опатовича, то в сентябре 1879 г. он женился на дочери потомственного почетного гражданина Андрея Ивановича Дурдина⁵⁵

⁴⁵ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 17 августа 1889 г. // ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1078. Л. 13 об. — 14.

⁴⁶ [Отношение начальника Главного управления почт и телеграфов в Министерство внутренних дел. 2 ноября 1889 г.] // Там же. Л. 76; Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1890 г. СПб., 1890. Ч. I. Стб. 306.

⁴⁷ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 5 ноября 1889 г. // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1078. Л. 19–19 об.

⁴⁸ Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1891 г. СПб., 1891. Ч. I. Стб. 306.

⁴⁹ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 1 августа 1890 г. // ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1078. Л. 35.

⁵⁰ Там же. Л. 35 об.

⁵¹ В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 21 октября 1890 г. // Там же. Л. 41.

⁵² В. К. Опатович — И. В. Помяловскому. 27 ноября 1890 г. // Там же. Л. 51–52.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Формулярный список... // РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 820. Л. 69 об. — 74.

⁵⁵ Дурдин Андрей Иванович (1829–1889) — купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, меценат.

Софье Андреевне Дурдиной⁵⁶. В браке родились сыновья Николай (род. 3 января 1885 г.) и Константин (род. 6 марта 1886 г.), а также дочери Евгения (род. 21 октября 1881 г.) и Ольга (род. 19 апреля 1887 г.)⁵⁷. Отметим, что И. В. Помяловский был воспитанником двоих детей кузена — Николая и Ольги⁵⁸. Автор публикуемых писем скончался 4 сентября 1893 г.⁵⁹

В фонде И. В. Помяловского в собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 608) хранятся 270 писем к нему от В. К. Оpatовича, разбитые на 6 единиц хранения⁶⁰. Хронологически они написаны между 1866 и 1897 гг. Таким образом, представленные вниманию читателей письма, написанные в 1870, 1871 и 1873 гг., являются лишь малой, но наиболее интересной и содержательной частью сохранившейся переписки.

Письма публикуются в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации, за исключением мест, отражающих стилистические особенности их автора. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Текст писем сопровождается научным комментарием авторов статьи.

Приложение

Письма В. К. Оpatовича И. В. Помяловскому за 1871–1873 гг. из собрания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки

№ 1⁶¹

Четверг 19 февраля 1870 г.

Любезнейший братец
Иван Васильевич!

Благодарю тебя за твое письмецо. Я прочел его несколько раз; первый раз, — кое-как, пробежав только глазами и при этом я рассмеялся — думаю, во 1-х потому, что я очень рад был вообще иметь какую-нибудь весточку от тебя, и во 2-х — от того, что увидел в нем копировку моего письма, только наоборот, в другую сторону. При следующем, внимательном чтении, я увидел несостоятельность моего взгляда: действительно, в нем есть копировка, но не в таком смысле, чтобы над ней можно было смеяться, а наоборот, надо плакать, ибо здесь в каждом слове едкая сатира надо мной, а я, — я не имею возможности оправдываться, не имею права изъяслять претензий на эти насмешки, ибо они вполне мной заслужены!!! Отвечу, впрочем, на него тебе так, как будто бы я его понимал в прямом смысле, ибо иначе у нас выйдет путаница и надо будет звать Шамполиона⁶², чтобы

⁵⁶ [Свидетельство о венчании В. К. Оpatовича] // РГИА. Ф. 1287. Оп. 46. Д. 820. Л. 26.

⁵⁷ Формулярный список... Л. 69.

⁵⁸ [Метрические свидетельства Н. В. и О. В. Оpatович. Копии. 18 сентября 1893 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 8549. Л. 3, 5.

⁵⁹ [Прошение вдовы статского советника С. А. Оpatович в Санкт-Петербургскую дворянскую опеку. 21 сентября 1893 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 8549. Л. 1.

⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1074–1079. — Кроме того, в ОР РНБ сохранились четыре письма И. В. Помяловского В. К. Оpatовичу (Там же. Д. 1080).

⁶¹ Там же. Д. 1074. Л. 2–5 об.

⁶² Шампольон Жан-Франсуа (1790–1832) — французский востоковед, получивший известность благодаря дешифровке текста Розеттского камня, сделавшей возможным чтение древнеегипетской письменности.

разобрать наши письма. Ты советуешь мне вообще не бояться экзаменов и выставляешь следующие причины: п[отому] что я будто бы читал книги, аккуратно посещаю лекции и постоянно их обдумываю. Но я же тебе писал, что от того-то меня и пробирает при мысли об экзаменах, что я не только не читал ни одной из юридических книг, но даже и записок-то своих почти не прочитал. Касательно посещения лекций, действительно, я пропустил только 1 Ивановского⁶³ и 2–3 Полисадова⁶⁴, п[отому] что их надо было ждать 2 часа, да и при том они читают совсем по прошлогодним запискам, литографированным, которые есть в продаже. Но, мне кажется, было бы больше пользы, если бы я перестал ходить: у Редкина⁶⁵ выходят (под строжайшим секретом, который я прошу тебя сохранить) литографированные записки, которые, правда, составлены не буквально по его словам, так что в иных местах надо дополнять по своим, но все же я это мог бы сделать и по чужой чьей-нибудь тетради⁶⁶. На записки Дорна⁶⁷ открыта подписка, Михайлов⁶⁸ и Градовский⁶⁹ сами обещали издать и, след[овательно], собственно говоря, мне не за кем записывать, а дома между тем я мог бы сделать более, чем в университете — в то же время, — как мне кажется. Далее, ты говоришь, что Редкин требует разумного усвоения лекций. Как же я могу это сделать? — я выучил страниц 100 — все это такая ерунда, особенно при неточности записок, что ничего почти нельзя понять и остается только вызубривать самым бестолковым образом; в середине было понятнее, а в конце января лекций 5 снова нельзя было понять (о человеке), да еще беда, что он очень любит употреблять синонимы, да иногда читает очень скоро. Конец твоего письма прибавлен совершенно напрасно: я именно хочу его рассматривать как благой совет и, принося тебе искреннейшую за него благодарность, прошу и впредне⁷⁰ не оставлять таковыми же.

Довольно, впрочем, писать в этом минорном тоне, тем более что я теперь стал заниматься, бросил уроки кросса и разрабатываю историю русского права (после объясню почему), но все же не энциклопедию⁷¹. Для этой жалкой, противной и подлой науки у нас образовался кружок из 3-х лиц: Моисеев⁷², товарищ по гимназии, 2-й ученик, Мурзинцев⁷³,

⁶³ Ивановский Игнатий Иакинфович (1807–1886) — юрист-международник, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1836–1870 гг.); впоследствии почетный член университета (1873 г.).

⁶⁴ Полисадов Василий Петрович (1815–1878) — протоиерей, профессор богословия Санкт-Петербургского университета (1858–1871 гг.).

⁶⁵ Редкин Петр Григорьевич (1808–1891) — правовед, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1863–1878 гг.); впоследствии ректор университета (1873–1876 гг.), член Государственного совета (с 1882 г.).

⁶⁶ По свидетельству современника, «Редкин — единственный на моей памяти петербургский профессор, упорно отказывавший в разрешении литографировать его лекции» (*Пеликан А. А.* Во второй половине XIX века. Студенческие годы. В Петербургском университете // *Голос минувшего*. 1915. № 4. С. 170).

⁶⁷ Дорн Лудольф Борисович (1840–1891) — юрист, преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1861–1886 гг.), впоследствии профессор (1886–1891 гг.).

⁶⁸ Михайлов Михаил Михайлович (1827–1891) — юрист, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1869–1872 гг.).

⁶⁹ Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889) — историк права, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1866–1889 гг.).

⁷⁰ Так в рукописи.

⁷¹ Имеется ввиду энциклопедия юридических и политических наук — дисциплина, читавшаяся П. Г. Редкиным для студентов первого курса.

⁷² Вероятно, речь идет о Федоре Моисееве, однокурснике В. К. Опатовича, окончившим вместе с ним юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1873 г. со степенью кандидата.

⁷³ Вероятно, речь идет о Петре Федоровиче Мурзинцеве — студенте юридического факультета Санкт-Петербургского университета (с 1868 г.).

внук Кобылина⁷⁴, о котором я тебе писал уже, и я. Присутствие 2-го лица мне очень неприятно, п[отому] что он — лентяй и собирает нас только для того, чтобы остальное время можно было с более спокойным духом бить баклуши; да и согласиться на этот союз я почти был вынужден просьбами старика Кобылина, думая при том, что действительно это принесет мне пользу.

Сообщи тебе самые свежие новости (из только что откупоренной бочки) об университете. 4 недели идет у нас торжество, или, лучше, совершаются важные события в истории рода человеческого. Введением (или предисловием, как хочешь) к ним был диспут Васильевского, какого-то учителя, на магистра всеобщей истории⁷⁵. Начались они 25-го января знаменитым докторским диспутом О. Ф. Миллера⁷⁶. Целый час он читал свою громкую вступительную речь, направленную в защиту патриотизма и прославление русского народного эпоса (его диссертация была в таком роде: «о постепенном наложении русского эпоса о богатырях» — буквально не помню: очень большая). За эту речь его 8 раз прерывали хлопаньями и даже сидевшие за столом приняли в них участие. Это очень не понравилось С. П. Б. ведомостям «что это у нас за публика, восклицают они, что хлопала неистово г. Миллеру за его славянофильское направление!». 1-го февраля был докторский диспут Таганцева⁷⁷ (его диссертация — о преступлениях против жизни по русскому уголовному праву), который был, пожалуй, еще дельнее⁷⁸ первого; в Таганцеве видно человека умного и неробкого, — но ему хлопали менее, п[отому] что он говорил скоро, что уменьшало торжественность его речи. Впрочем, и те немногие аплодисменты, которые были, до такой степени возмутили Горлова⁷⁹, что он даже зазвонил в колокольчик (!!!). Оппонировали: Чебышев-Дмитриев⁸⁰ (срезанный в пух и прах), Пахман⁸¹ (сказавший, что во всем согласен с Таганцевым, но должен спорить с ним, как официальный оппонент) и из публики: Спасович⁸², доктор Бертенсон⁸³ (который все читал по своей тетради и был совсем срезан; вызвался же он оппонировать потому, что Таганцев задел его в диссертации

⁷⁴ Неустановленное лицо.

⁷⁵ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899) — византист, учитель истории и географии Виленской классической гимназий (1867–1870 гг.); впоследствии приват-доцент (1870–1879 гг.), профессор (1879–1899 гг.) историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, академик (1890 г.). В 1870 г. защитил магистерскую диссертацию «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка».

⁷⁶ Миллер Орест Федорович (1833–1889) — историк русской литературы, фольклорист, приват-доцент (1863–1870 гг.) историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, впоследствии профессор (1870–1888 гг.). В 1870 г. защитил докторскую диссертацию «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство Киевское».

⁷⁷ Таганцев Николай Степанович (1843–1923) — юрист-криминалист, приват-доцент юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1867–1870 гг.); впоследствии профессор (1870–1882 гг.), почетный член Санкт-Петербургского университета (1885 г.), сенатор (1887 г.), член Государственного совета (1905–1917 гг.).

⁷⁸ Так в рукописи.

⁷⁹ Горлов Иван Яковлевич (1814–1890) — экономист, профессор (1847–1873 гг.), исполняющий обязанности декана юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1870 г.), почетный член Санкт-Петербургского университета (1873 г.).

⁸⁰ Чебышев-Дмитриев Александр Павлович (1834–1877) — правовед, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1864–1877 гг.).

⁸¹ Пахман Семен Викентьевич (1825–1910) — юрист, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1866–1876 гг.), впоследствии его декан (1870–1876 гг.).

⁸² Спасович Владимир Данилович (1829–1906) — бывший профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1860–1861 гг.), известный юрист, адвокат, общественный деятель.

⁸³ Бертенсон Иосиф Васильевич (1833–1895) — известный врач-гигиенист, доктор медицины.

ции по какому-то поводу) и какой-то преподаватель аудиторского училища. 4-му кому-то Горлов не дал говорить, п[отому] что было уже 4 часа. 8 февраля был акт, на котором Бауер⁸⁴ часто упоминал о тебе в отчете, Бутлеров⁸⁵ читал речь Петрушевского⁸⁶ (по болезни последнего) о магнетизме, и Срезневский⁸⁷ прочитал фамилии студентов, которым Толстой⁸⁸ выдал медали (7 золотых и 5 серебряных). Все это так понравилось моей мамаше, тоже бывшей на акте, что она 1) решила непременно идти в будущем году и 2) сказала, что чуть ли даже не поссорится со мной (не помню точно ее выражения), если мне не выдадут золотой медали. Вечером (8-го февраля) в благородном собрании был бал, данный студентами, на котором, однако, твой покорнейший слуга не был вследствие того, что ему не позволил отец, а потому он (твой покорнейший слуга) может тебе описать этот бал только по рассказам очевидцев. Приготовления к нему в университете были очень шумны. Начался он в 9 час[ов], танцы кончились в 1 ½ ч[аса], а все разъехались в 4 ч[аса] ночи. На нем были все профессора, кроме Редкина; Благовещенский⁸⁹ и Срезневский — с семьями, была Струйская 1-я, много других посетителей и студенты, платившие каждый не мене 2 рублей (некоторые давали 15), и за эти деньги каждый мог бесплатно ввести 1 даму, а если хотел ввести больше — за каждую платил по 50 к[опеек]. Танцующих было столько, что ими было занято 4 залы и все-таки более ½ дам и кавалеров сидело. В 11 ч[асов] открыли буфет и тут уж поехало! Были чай, фрукты (которые брали шляпами для дам), вино и бутерброды, а ужина — никакого. Вследствие этого некоторые до такой степени напились, что их рвало, были без чувств, многие заснули, и все — покачивались, несмотря на то что вино было гадкое; профессоров и получивших медали (бывших в буфете) — качали. Впрочем, в залу бесчинство не доходило, п[отому] что у дверей ее стояли распорядители, выталкивавшие пьяных. Наконец вечер кончился дракой, которую разняла полиция⁹⁰. На этой неделе событие было — Михайлов изъяснил нам, студентам 1-го курса, тему, данную для соискания медалей на этот год, по истории русского права: «проследить постепенное разграничение гражданского и уголовного судопроизводства». Побуждаемый вышеупомянутой угрозой мамашы и другими причинами, которые я сейчас укажу, я хочу написать диссертацию на эту тему. Вот так причина (см. выше), которая и побуждает меня заняться разработкой истории русского права. Не знаю, одобришь ли ты мое это намерение, но мне кажется, что я не дождусь более удобного случая написать кандидатскую диссертацию: (ведь если это сочинение будет одобрено, то не надо писать другого, для кандидата⁹¹): 1) ценитель ее — Михайлов — человек, не много сам смыслящий и требующий, чтобы студенты читали больше; 2) я плох в иностранных языках —

⁸⁴ Бауер (Бауэр) Василий Васильевич (1833–1884) — историк, профессор историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1866–1884 гг.), впоследствии его декан (1880–1882 гг.).

⁸⁵ Бутлеров Александр Михайлович (1828–1886) — химик, профессор физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1868–1886 гг.).

⁸⁶ Петрушевский Федор Фомич (1828–1904) — физик, профессор физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1866–1903 гг.).

⁸⁷ Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) — филолог-славист, этнограф, профессор историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1855–1879 гг.).

⁸⁸ Имеется в виду Дмитрий Андреевич Толстой (см. ссылку 25).

⁸⁹ Благовещенский Николай Михайлович (1821–1892) — профессор историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1852–1872 гг.), впоследствии ректор Варшавского университета (1872–1882 гг.).

⁹⁰ Газета «Новое время», напротив, сообщала: «Вечер прошел в совершенном порядке» ([Студенческий бал 8 февраля 1870 г.] // Новое время. 1870. 10 февраля. № 40. С. 2).

⁹¹ Согласно § 94 университетского устава 1863 г., студенты, удостоенные медали или почетного отзыва, получали ученую степень кандидата без предоставления диссертации.

здесь мне не нужно читать ни одной по ним книги; 3) тема, как видно из ее разъяснения, не трудна, но кропотлива только, много читать нужно; вследствие сего 4) позволено не доводить ее до конца; 5) есть шанс получить вместе с кандидатом медаль. На основании всего сказанного я хотел тебя попросить, Расскажи мне в следующем письме, как ты писал свою кандидатскую диссертацию: писал ли ты ее по собственному выбору темы, писал ли, собственно, для медали или только кандидата, а медаль сама навязалась, и (очень важно) как велика была твоя диссертация. Напиши также что-нибудь, если можешь, и о моем предполагаемом маранье, дай какие-нибудь советы и этим, особенно если еще передашь мое нижайшее почтение многоуважаемой тетеньке, ты премного обяжешь твоего cousin

В. Опатовича.

№ 2⁹²

16 апреля 1870 г. вечер.

Христос Воскресе!

Первым делом, любезный братец, спешу попросить у тебя прощения в том, что еще в прошлом письме позабыл передать тебе нижайший поклон Ник[олая] Мих[айловича] Пальмина⁹³. Теперь я еще должен прибавить поклон от Всеволожского⁹⁴. А *propos*⁹⁵ скажу, что он несколько раз спрашивал у меня о здоровье «собачки Ивана Вас[ильевича]» (не говоря уже о нем самом). Теперь позволь поблагодарить тебя за то, что ты не оставляешь без внимания мои пустейшие записки к тебе и достаиваешь их даже ответа. Про диссертацию свою я скажу тебе, что пока я написал только одну четвертку, прямо из своей головы, но и ту придется выбросить вон — все враль. Покуда я занят зубрежом запущенных лекций и поэтому ничего не могу читать, хотя и лежат на столе 2 книги из нашей библиотеки, да еще накупил я на толкучем [рынке] на 3 р. 50 к. Поэтому про свой план я могу написать тебе пока только то, что я, сообразно с изъяснением темы, решил писать в хронологическом порядке, сперва прочитав несколько книг об известном пространстве времени, списав из них нужных места на билетиках, отметив все ссылки на источники на других билетиках, и приведя все в систему, а потом уже, будучи знакомым с взглядами ученых, самостоятельно обработав⁹⁶ эти источники. Прежде еще надо будет, думаю, прочитав сочинения, написанные не в хронологическом, а в другом порядке, напр[имер] истор[ию] гражд[анских] зак[онов] Неволлина⁹⁷. Это, впрочем, мой первоначальный взгляд; тебе предстоит его окритиковать, если не побрезгаешь. Ты не одобряешь мое мнение об иностранных книгах и говоришь, что многие иностранные ученые обрабатыва-

⁹² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1074. Л. 6–7 об.

⁹³ Пальмин Николай Михайлович — исполняющий обязанности помощника инспектора Санкт-Петербургского университета.

⁹⁴ Вероятно, речь идет о студенте юридического факультета Санкт-Петербургского университета, однокурснике В. К. Опатовича, Владимире Николаевиче Всеволожском (?–1912).

⁹⁵ *A propos* (лат.) — кстати.

⁹⁶ Так в рукописи.

⁹⁷ *Неволин К. А. История российских гражданских законов: в 3 т. СПб., 1851.*

ли русское право. Кто же? Я знаю только Рейца⁹⁸ и Эверса⁹⁹, пожалуй Шлецера¹⁰⁰, но все они переведены на русский язык. Разве еще есть, кажется, непереверденный <неразб.>, но больше я не знаю. При том, если бы они даже и были, то наших русских есть столько (включая и самые источники), что если их все прочесть как следует, то не хватит года. Поэтому-то и позволено не доводить темы до конца. При том же ты сам говоришь, что иностр[анн]ые книги нужны только для ознакомления с общими началами права вообще, а это самое показывают мне университетские лекции. Далее ты спрашиваешь, откуда я взял о легкости темы? — Из изъяснения ее, данного Михайловым. Хоть он и закончил это изъяснение словами «тема трудна, а потому дозволено не доводить ее до конца», но мне кажется, что он здесь подразумевал более физический труд (если так можно выразиться), т. е. большой объем диссертации, разработку огромного числа источников, почти не тронутых в этом отношении и т. д., а это мне не кажется столь трудным, как даже разработка простых лекций Редкина. При том же, как кажется мне, здесь придется только описывать уже известные из лекций судебные места, только с большей подробностью и с нужными взглядами. Впрочем, это мне кажется теперь, пока я еще почти не принялся; будущего своего мнения не могу тебе сообщить теперь. Не совсем я понимаю твой вопрос, при том же, как ты говоришь, очень важный — лежит ли у меня душа к этой теме? Мне кажется, что это решительно все равно: ведь придется же мне не теперь, так после писать диссертацию, если я выдержку экзамены, для получения кандидата. Моя душа далека от такой любви к науке, какую имеешь ты к римским древностям или Редкин — к науке вообще, но я могу сказать, что история мне всегда нравилась. Тем не менее, я — материалист и из всего стараюсь извлечь выгоду, а потому и на тему эту смотрю только как на дойную корову (по выражению Редкина), которая может мне дать полкандидатской степени, облегчить добывание другой половины, ибо на меня все же обратят внимание профессора и при том есть, хотя и чересчур слабая, надежда получить награду. Но этого довода уже достаточно, чтобы возбудить во мне сильную энергию; я вообще не люблю отставать от начатого дела и при том же от такого, которое имеет для меня большой интерес, и на которое я уже истратился. Но все-таки, едва ли эта энергия будет во мне на столько сильна, чтобы я не знал ни отдыха, ни срока. Когда Михайлов прочел нам изъяснение темы, я был уже сильно экзальтирован представлением будущих благ от успешного написания сочинения; я решил писать: экзальтация усилилась до такой степени, что я целую неделю не мог прийти в себя, думал только об одной теме и даже боялся, чтобы мне не помешаться на ней. Но этот пыл сильно охладел, когда я, записываясь в нашей библиотеке на получение разных книг для диссертации, несколько дней подряд получал ответ «отдано», из которого я заключил, что взялось писать очень много народу; я даже думал уже не отступить ли мне перед такой массой, но выставленные в прошлом письме причины, а также мысли о том, что за попытку головы не снимут, и что многие, вероятно, отстанут, доселе берут перевес, и я думаю заняться летом. Поэтому позволь мне еще порасспросить у тебя кое-чего. Летом будет очень неудобно по части книг: из библиотеки не только не дают на дом, но даже и в самих зданиях нельзя заниматься — закрыты, да и сообщение с дачи неудобно. Поэтому нельзя ли будет попользоваться Пальминым, как ты намекал прежде, на лето? Если да, то будет ли это удобно и выгодно для меня и для него? При том не нужно ли объявлять высшему

⁹⁸ Рейц Александр Магнус Фромгольд (1799–1862) — историк права немецкого происхождения, профессор Дерптского университета.

⁹⁹ Эверс Иоганн Филипп Густав (1779–1830) — историк права немецкого происхождения, профессор Дерптского университета.

¹⁰⁰ Шлецер Август Людвиг (1735–1809) — историк немецкого происхождения, почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1769 г.).

начальству о намерении писать? Вообще, напиши, как ты обещал, побольше о том, как надо писать и все, что можешь об диссертации. Что тебе писать еще? От тройственной энциклопедической компании я отстал, помня твой совет, после 1-го же сеанса, воспользовавшись диссертацией, но не объявив о ней прямо, а сказав, что есть очень важное дело. Моисеев говорит, что вышло это очень неловко, но и сам он тоже хочет отстать от Мурзинцева и не ходит теперь к нему, на что тот очень сердится. Экзамены, кажется, будут 6–8 мая — энцикл[опедия]; 16–18 — истор[ия] рим[ского] пр[ава] и 26–28 — ист[ория] русск[ого] пр[ава]. Лекции кончили до Пасхи все, кроме Редкина, который будет читать до мая. Погода у нас весь пост стоит великолепная, Нева прошла 9 апр[еля]; на тени 10°. Долгое неимение писем от вас беспокоило нас всех, и Пальмин, Рябиныны, Тихомировы, Слепцова, Всеволожский и Опатовичи часто осведомлялись друг у друга, нет ли от вас писем. Прощай, будь здоров, живи счастливо на новоселье и передай мое нижайшее почтение и поздравление с праздником многоуважаемой тетеньке от ее племянника и твоего брата

В. Опатовича.

P.S. Ты спрашиваешь, какие темы назначены для соискания медалей. Вот они.

По историко-филологическому факультету.

1) О заслугах Константина-философа в общеславянской литературе. 2) О заслугах Гусса в Чешской литературе. 3) Изложение религиозно-нравственного учения Платона с пояснением, насколько оно согласовалось или расходилось с религиозным учением язычества и вытекало из собственных воззрений философа. 4) (на 2 года) Перевод, разбор и объяснение Платоновского разговора Феэтит.

Физико-математический факультет.

1) Астрономия. О спектральном анализе в приложении к химическим исследованиям. 2) Химия. Об аммиачно-металлических соединениях. 3) Физиология. О развитии и строении нервных элементов у лягушки, как центральных, так и периферических с приложением изысканий о направлении волокон и положении клеток в спинном мозге у взрослого животного.

Юридический факультет.

1) История русского права. Проследить постепенное разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права. 2) Финансовое право. О промысловом налоге.

Факультет восточных языков.

1) История Востока. Представить историческое обозрение географической литературы мусульманских народов с обозначением, как далеко простирались сведения мусульманских географов вглубь Средней Азии и какого достоинства эти сведения. 2) Китайская словесность. О владычестве Киданей в Средней Азии.

Кроме того, есть темы на денежные премии. Если хочешь, выпишу их после.

Mi cariofime frater!¹⁰²

Поздравь меня с переходом во 2-й курс. 27-го мая сдал последний экзамен и спешу излить тебе мои чувства. Впрочем, если тебе не будет интересна реплика о том, как я держал экзамены, то не читай этого письма, а сожги его сейчас же, при чтении этой строчки. В пятницу Пасхи ложусь я спать; что-то, думаю, много ли осталось времени до экзамена — сообразил — только 3 недели, а у меня приготовлено только ½ курса, и еще Редкин будет читать после Пасхи. У меня волоса просто дыбом стали. С другого дня скорее за зубреж. Но и то довел до того, что к 5-му мая (экзамен был 6-го, стало быть, накануне) — осталось непрочитанных 20 лекций: разумеется, я насилу успел их только раз прочитать. На другой день нарочно вышел в 8 часов, чтобы записаться позже и попасть на другой день. Пришел — записано 78 человек, я 79-м. Входят Редкин и Лебедев¹⁰³ (ассистент на всех наших экзаменах). Пальмин кричит: «Господа, экзамен сегодня будет до 7 часов, часа перерыву; потрудитесь остаться 90 человек». Значит, надо оставаться. Вызывает 1-го. Тот соврал с 1-го слова: перепутал 2 определения различия между правом и моралью. Разумеется, Редкин мог бы его наставить на путь истинный и тот ответил бы, вероятно, хорошо. Но он сделал не так: «Все это совершенно не верно» и выбросил ему другой билет (он не позволял студентам брать билет, а сам их выбрасывал из кучи, которую держал и все тасовал, что послужило поводом после к остроте с его стороны: «Вот, выучился в карты играть, умею тасовать»). С другим билетом — то же, с 3-м — то же — 0. Я таки сильно перетрухнул. Но так было только с одним. Потом стали отвечать хорошо и «красное солнышко разгулялось», по выражению студентов. 29-м был Мурзинцев — тоже не ответил на 3 билета — говорит, что оробел страшно, а на самом деле, вероятно, знал только ½ курса, ибо и билеты ему попали очень легкие. Получилось 0, что рассердило Редкина, который стал спрашивать строже, но все-таки отвечали до обеда (2 ч.) все очень хорошо и оценки были 4 и 5. После обеда хуже; 1-м был Всеволожский — 4. В 6 часов вызвали 56-го (Моисеева — 4), и тут уже я увидел, что до меня сегодня не доберется, и ушел. Устал я страшно, сидя все время в духоте, был точно обезумевший, притом погода была мерзейшая — промочило всего насквозь, а потому, придя домой, я был в состоянии только лежать и до того ослаб, что с трудом мог поднять графин воды, чтобы напиться. Разумеется, не могло быть и речи о повторении лекций. На другой день отправился опять: оказалось, что накануне спросил 66 человек. Вызвал 67-го; следующих 10 не оказалось налицо, поэтому вызвал 78-го и 79-го — меня. 78-й захотел еще готовиться, поэтому отвечал 2-м. Билет мне попал такой, который я знал лучше всех — 34-й, о *regulae juris*¹⁰⁴ и о научной юридической конструкции. 1-е я знал отлично — все были латинские цитаты из *Corp[us] jur[is] civ[ill]is*¹⁰⁵. Но Редкин заставил меня рассказывать с середины; и то я ответил очень коротко, но дернуло его спросить меня из международных союзов — разницу между федеративным государ-

¹⁰¹ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1074. Л. 8–9 об.

¹⁰² *Mi cariofime frater* (лат.) — мой любимый брат.

¹⁰³ Лебедев Василий Александрович (1833–1909) — экономист, финансист, приват-доцент (1867–1886 гг.) юридического факультета Санкт-Петербургского университета; впоследствии профессор (1886–1909 гг.).

¹⁰⁴ *Regulae juris* (лат.) — правила права.

¹⁰⁵ *Corpus juris civilis* (лат.) — Кодификация Юстиниана — свод римского гражданского права составленный при византийском императоре Юстиниане I.

ством и федерацией государств — я промямлил кое-как — «неясно» — 4. Претендовать [на более высокую оценку], разумеется, нельзя — наука, что весь год пробаклушничал. 16-го мая прихожу к Дорну. Вижу, на записном листе не заняты места 1-е, 2-е и 3-е, а потом — 3б-е... Я предпочел 3-е. 2-е осталось незанятым и потому я очутился 2-м. Знал я предмет вообще лучше энциклопедии, и билет попал очень хороший — время царей, в котором я знал и хронологию, и латинские тексты — ответил хорошо. Но опять эти вопросы отдельные. «Скажите степени наследования по преторскому эдикту». Я говорю: *unde liberi* (сбился в объяснении, только по его намеку сказал, что и эмансипированные дети) *unde legitimi*, а *unde cognati*¹⁰⁶ и забыл. «Скажите систему институций Юстиниана» — <не разб.>, как у Гая — а что говорит Гай, я и не знал. Поэтому 4. Здесь я уже в претензии. Пусть бы он ставил отметки строго, но для всех одинаково, а то после меня отвечал один господин гораздо хуже меня, по единодушному свидетельству товарищей, а получил 5, потому что ходил к Дорну в году на квартиру, а в университете весь год был раз 5. Иду с экзамена, гляжу на наши афиши (как я их называю) — экзамен Михайлова переносится на 2-й курс (он надул нас — не выпустил в свет своей книги к экзамену). Думаю: надо сдать хоть богословие. Приготовил Бажанова¹⁰⁷ «О религии»¹⁰⁸ и «О лице И[исуса] Христа» из Антония¹⁰⁹. Приезжаю уже с дачи на экзамен — оказывается, что из Антония надо было в 4 раза больше. При том обещал быть Павел¹¹⁰, архиерей, и попечитель¹¹¹. На Исполатова¹¹², тоже хотевшего держать экзамен, это так подействовало, что он удрал. Но мне уже нельзя было удирать: Полисадов увидел меня, узнал, узнал также, что из 1-го курса только я и прямо обратился к нам: «Я вас спрошу сначала; смотрите же, не удерите» (это было маленькое совещание до экзамена, на котором он изъяснил нам, что билеты будут лежать по порядку). Мы с Моисеевым удрали в другую аудиторию, чтобы хоть раз прочесть Антония — не успели. К счастью, билеты лежали по обещанному; я взял себе 2-й билет, отвечал опять 2-м, был рекомендован Павлу и получил от него 5. Полисадов вообще надеялся очень на нас и сказал студентам 4-го курса, просившим, чтобы их спросили прежде: «Нет, нет, п[отому] что 1-й курс постоит за себя». Действительно, мы получили 4, 5, 5, а после нас, кажется, всем по 3, и Полисадов даже рассердился.

Теперь надо бы прямо приниматься за диссертацию, но я хочу еще прежде отзубрить Градовского, Ивановского и Михайлова — последний тогда соединится с диссертацией, которую все еще надеюсь успеть, да и хотелось бы очень. Набрал с собой на дачу порядоч-

¹⁰⁶ Перечисляются термины наследования из римского права.

¹⁰⁷ Бажанов Василий Борисович (1800–1883) — протопресвитер, духовник императора, главный священник гвардии и гренадер, член Святейшего синода; бывший законоучитель Санкт-Петербургского университета (1827–1836 гг.).

¹⁰⁸ Бажанов В. Б., *протопр.* О религии. СПб., 1862.

¹⁰⁹ Антоний (Амфитеатров) (1815–1879) — архиепископ Казанский и Свяяжский, автор многократно переиздававшегося учебного пособия «Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви» (1-е изд. — 1848 г.). В. К. Опатович упоминает один из разделов данного пособия — «О лице Иисуса Христа, или о таинстве воплощения» (См., например: *Антоний (Амфитеатров), архиеп.* Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви, с присовокуплением общего введения в курс богословских наук. СПб., 1862. С. 144–156).

¹¹⁰ Павел (Лебедев) (1827–1892) — епископ Ладожский, первый викарий Санкт-Петербургской епархии.

¹¹¹ Ливен Павел Иванович (1821–1881) — попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (1866–1876 гг.), впоследствии обер-церемониймейстер Императорского двора (1870–1881 гг.).

¹¹² Исполатов Павел Иванович — студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1869–1873 гг.), однокурсник В. К. Опатовича, окончивший вместе с ним университет со степенью кандидата.

ную библиотеку, но искал везде Лазаревского и Утина¹¹³, и нигде не нашел. Есть у одного Анисимова¹¹⁴, который просит 6 рублей. Прощай, кланяйся многоуважаемой тетеньке и не забудь, что от тебя ждет обещанного письма твой любящий брат

В. Опатович.

№ 4¹¹⁵

Вторник 22-е сентября 1870 — Вечер. С[анкт-]Петербург.

Любезнейший frater Иван Васильевич!

Заклячая из письма твоего и многоува[аемой] тетеньки от 30 авг[уста], что Вы еще намерены пробыть во Флоренции несколько времени, я решился теперь поздравить вас с 4-м новосельем и пожелать вам всего хорошего по этому случаю. Раньше я не отвечал на твое любезное письмецо отчасти потому, что не рассчитывал, чтоб оно застало тебя в Тельце, отчасти же и потому, что выжидал накопления материалов. Действительно, теперь их хватит на лист почтовой бумаги, хотя, впрочем, предполагаю и предупреждаю, что и это письмо, как и все мои, не будет иметь для тебя интереса, ибо оно тоже заключается только мои личные впечатления. «Назойливый себялюбец», слышу уже я исходящим из твоих уст. Что же делать? Винюся, но тем не менее не могу удержаться от того, чтобы не поделиться с тобой тем, что имею. Мое дело — излить мои чувства на бумаге, затем уже твое — не распечатывая письма бросить его в печку.

Впрочем, мне теперь не до рассуждений. Моя голова сильно трещит еще до сих пор от обрушившегося на нее разом града разных прав. Хотя я и знал, что будет не то, что на 1-м курсе, но все-таки не ожидал, что перемена эта будет так сильна, тем более, что для меня она еще вдвое разительнее, чем для многих прочих, ибо я, наученный прошлым годом, не хочу теперь так бездействовать, как тогда, и с 1-го же сентября начал прочитывать и поправлять записанное в тот же день, хотя еще не успел всего выучить как следует. В понедельник 31-го августа, придя на молебен¹¹⁶, я не узнал нашего расписания и поэтому был весьма поражен на другой день, узнав, что у нас 5 лекций, и, действительно, я усгал-таки порядочно, тем более что накануне, после молебна, чтобы закончить каникулы, отправился смотреть «Горе от ума». Но это был единственный день, п[отому] что теперь я на 3 предмета сократил свои записывания и перестал строчить у Горлова, Ивановского и Андреевского¹¹⁷: первые два читают по старым запискам, которые я себе приобрел, а последний — по книге¹¹⁸, которую он издал весной и которая у меня есть равным образом, так что на лекциях этих профессоров я только слежу. Если не прогневаешься, я тебе перечислю те науки, которые имею честь слушать: история философии права (Редкин, 2 лекц[ии]), римское право (Дорн, 4 лекц[ии]), русское государственное право

¹¹³ Речь идет об издании: Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права / сост. Я. Утин, И. Лазревский. СПб., 1859.

¹¹⁴ По всей видимости, имеется в виду Василий Петрович Анисимов — владелец «Каменно-островского книжного магазина», специализировавшегося на продаже юридической литературы.

¹¹⁵ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1074. Л. 10–11 об.

¹¹⁶ Традиционно учебный год начинался молебном в университетском храме свв. апп. Петра и Павла в здании Двенадцати коллегий.

¹¹⁷ Андреевский Иван Ефимович (1831–1891) — юрист, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1859–1891 гг.), впоследствии его декан (1875–1878 гг.), ректор университета (1883–1887 гг.).

¹¹⁸ Вероятно, имеется в виду издание: Андреевский И. Е. Полицейское право. СПб., 1870.

(Градовский, 4 лекц[ии]), история русского права (Михайлов, 4 л[екции]), церковное право (Горчаков¹¹⁹, 4 л[екции]), полицейское право (Андреевский, 3 л[екции]), финансовое право (Лебедев, сначала была 1 л[екция], потом прибавили еще 1), политическая экономика (Горлов, 2 лекц[ии]) и государственное право зап[адных] европ[ейских] держав (Ивановский, 1 лекц[ия]). Следующее место в системе моего письмописания должно занять критическое исследование о всех вышеназванных лицах. Приступая к этому исследованию, я позволю себе заметить, что с прошлогоднего мои взгляды значительно изменились преимущественно на Редкина. Если ты не забыл, то я в одном из прежних писем честил тебе энциклопедию как самую жалкую, подлую и непонятную науку¹²⁰. Справедливость требует сказать, что виною такого моего мнения о науке, поставленной столь высоко благодаря достойному профессору Редкину, была моя собственная небрежность и невнимательность к его лекциям, которые я никогда не просматривал дома, не следил потому за их связью и судил о которых только по их началу, заключающему в себе действительно скучное введение. Выучив же все его лекции, я увидел, что проповедовал тебе, а равно и всем знакомым знакомым¹²¹ завиральные идеи, а потому спешу заявить громкое отречение от них и объявить во всеуслышание, что Редкин действительно редкий профессор. Нельзя вполне отрицать то, что у него есть такие места, читая которые можно отозваться: «кладезь учения твоего очень глубок, а вервия ума нашего слишком коротки»¹²², но если такие места и были в энциклопедии, то 1) Редкин не налегал на них особенно во время экзамена, и 2) они не могут уничтожить достоинства всего его курса. Главное его достоинство, помимо внутренней цены, заключается еще и в строжайшей последовательности, которой он отличается от всех прочих профессоров. От начертанного наперед плана он не отступит ни на шаг. Теперь некогда и негде приводить образцы его красноречия, но при личном свидании я передам тебе вступления и заключения его курсов энциклопедии, которые я узнал за несколько лет. К сожалению, его лекций только 2 в неделю, но я теперь очень люблю его слушать; мне теперь совсем в другом свете, чем прежде, показалась его философия права — предмет, который гораздо труднее энциклопедии (теперь он читает о Мишеле¹²³). Сильно поговаривают о том, что он не будет читать даже с будущего года, и его место займет какой-то Пивковский¹²⁴, его любимец за свои познания. Даже и в экзамене Редкина, как я уже тебе писал, ничего не было дурного и особенно страшного; я только припоминал твои слова: «В высшей степени справедливый человек». Дорн и Градовский читают очень дельно, но у последнего мало системы и он мелет так скоро и без повторений, что записывать за ним трудно; он при том старается разнообразить чтение остротами. О Михайлове лучше не говорить. Горчаков читает очень дельно, но чересчур

¹¹⁹ Горчаков Иван Михайлович (1838–1910) — священник, канонист, приват-доцент юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1868–1871 гг.), впоследствии профессор (1871–1910 гг.).

¹²⁰ См. выше, письмо № 1.

¹²¹ Так в рукописи.

¹²² Фраза, приводимая В. К. Опатовичем, отсылает к сюжету из жития святителя Иоанна Златоуста, содержащемуся, в частности, в «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского. Согласно последней, в первые годы своего пресвитерского служения будущий святитель проповедовал сложными словами, делавшими его поучения непонятными для необразованных людей. Изменению характера и упрощению его проповеди послужили слова, обращенные к нему одной женщиной: «учитель духовный Иоанн, златые уста! Кладезь учения твоего слишком глубок, а вервия ума нашего слишком коротки». Таким образом, автор письма проводит мысль о чрезмерной сложности изложения некоторых материалов в лекциях П. Г. Редкина.

¹²³ Вероятно, имеется в виду Мишель де Монтень (1522–1592) — французский писатель и философ, автор книги «Опыты».

¹²⁴ Неустановленное лицо.

размазывает свои изъяснения, от чего его несносно слушать. Андреевский вполне оправдывает молву, что он человек с добрым, теплым сердцем. Он читает очень хорошо, но он очень увлекается сам своим чтением: кричит, весь раскраснеется, а если ему приходится говорить о чем-нибудь жалостном, напр[имер], как господа дурно обращаются со своими слугами, он чуть не плачет. При всем том он говорит не очень хорошо: мало изменяет голос и останавливается в конце фраз, а отдельные слова иногда растягивает, напр[имер] он произносит: благососто́нъя, потому что и т. п. Лебедева было только 3 лекции — ничего особенного в научном отношении, но скучно; говорит во *tempo prestissimo*¹²⁵. Горлов читает слово в слово по старым запискам, даже теми же выражениями. Ивановский меняет выражения. На лекции теперь нас ходит человек 50: всех должно быть около 150. Толстой¹²⁶ вышел в юнкера даже, кажется, не держав совсем экзамена. Пока все было спокойно, хотя и поговаривали о каких-то будто бы сходках. По всем предметам выходят литограф[афированные] записки, но с таким условием, что или все бери (что составит до 25 рубл[ей] в год), или ни одних. Я пока предпочитаю последнее.

Ты все пишешь про мою диссертацию; из нее, как, я думаю, ты и предвидел, вышел 6-й палец на руке (по счислению покойного Николая Яковлевича¹²⁷). Я, впрочем, не виню себя особенно в этом, а виною то, что прошлый год пропал даром: я сунулся туда-сюда, но увидел, что, не зная курса, ничего не поделаешь. Хоть я тем не менее не выучил и лекций летом, но я читал: Неволлина¹²⁸, Эверса, Тобина¹²⁹ и даже перевел на русский язык сочинение последнего «*Sammlung kritisch bearbeiteter quellen der geschichte des Russuschen Rechts*»¹³⁰ и хочу просить Михайлова, чтобы он посоветовал, как будет выгоднее извлечь из этого перевода материальную выгоду. Однако довольно: нет времени; еще надо переписывать целый курс Градовского, который объявил, что его книга выйдет только будущей осенью. Передай мой низжайший поклон многоуважаемой тетеньке и, если прочитал это письмо, то на досуге напиши когда-нибудь на него в ответ несколько строк, чем ты докажешь, что ты не перестаешь хоть изредка вспоминать о любящем тебя брате

В. Опатовиче.

№ 5¹³¹

Суббота 13 марта 1871, вечер.

Любезнейший братец
Иван Васильевич!

Настоящее мое послание к тебе было готово уже давно, и я не посылал его к тебе только ожидая какого-либо известия от вас, думая, что причиной вашего долгого молчания — переезд в Бонн, так как вы уже находитесь ½ года в Риме. Однако поразившее нас так неприятно ваше письмо показывает противное, и дает мне повод думать, что сии

¹²⁵ *Tempo prestissimo* (ит.) — очень быстрый темп.

¹²⁶ Вероятно, речь идет о студенте Санкт-Петербургского университета Матвее Толстом.

¹²⁷ Неустановленное лицо.

¹²⁸ Неволлин Константин Алексеевич (1806–1855) — историк права, бывший профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1843–1855).

¹²⁹ Тобин Эвальд Сигизмунд (1811–1860) — историк права, ординарный профессор юридического факультета Дерптского университета.

¹³⁰ Речь идет о книге: *Tobien E. S. Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechtes*. Dorpat, 1845.

¹³¹ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1074. Л. 12–13 об.

строки еще застанут тебя в Риме. Еще в прошлом письме, в небольшой приписке, я извещил тебя о переменах в нашем университете. Начались они с Полисадовой катастрофой, о которой тебе уже писали и которая была объявлена на акте в следующих словах: в 1870 году окончилось [2]5-летие службы проф. Полисадова¹³², но Совет университета, оценивая вполне ту пользу, которую он приносил на своей кафедре, выбрал его еще на пятилетие ординарным профессором. Однако проф. Полисадов, чувствуя свое здоровье расстроенным, отказался принять на себя труд преподавания и, несмотря на все просьбы Совета, согласился только кончить курс нынешнего академ. года¹³³. Вслед за Полисадовым пришла очередь Ивановского и бедный старикашка, будучи забаллотирован, вдруг перестал к нам являться. Вместо него вызвали из-за границы Мартенса¹³⁴, который и читает теперь международного право, а кафедра иностранных зак[онодатель]ств остается незамененною (на 1-м и 2-м курсах). Отошел в вечность восточный декан Казем Бек¹³⁵, в лице которого, как прочли на акте, университет понес большую потерю, а за ним вслед какой-то проф. арабского языка Навродский¹³⁶. Деканом вост[очного] фак[культета] теперь назначен Березин¹³⁷. На нашем факультете тоже деканом теперь не Горлов, подавший просьбу об увольнении его с этой должности¹³⁸, а Пахман¹³⁹, и секретарем — Таганцев¹⁴⁰. Хотя эта перемена и недавно, но для нас дала себя почувствовать: можно добиться толку, что мы и сделали, выхлопотав перенесение 2-х экзаменов. Прежде же, говорят, нельзя было подступиться к Ивану Яковлевичу [Горлову]. Весь этот год был беден диспутами. Только в посту было 3 замечательных: Ламанского¹⁴¹, Янсона¹⁴² и Горчакова¹⁴³. Последний был особенно блистателен: в середине его хлопали только раза 2, за то, между про-

¹³² Согласно Университетскому уставу 1863 г., после 25 лет службы по ведомству Министерства народного просвещения профессор либо подлежал увольнению на пенсию, либо баллотировке в Совете университета для продолжения профессорской деятельности.

¹³³ См.: Отчет о состоянии Императорского С.-Петербургского университета и деятельности ученого его сословия за 1870 год, читанный на университетском акте 14 февраля 1871 года ординарным профессором Н. С. Таганцевым // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1870–1871 академического года с приложениями. СПб., 1871. С. 99.

¹³⁴ Мартенс Федор Федорович (1845–1909) — доцент юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1870–1873 гг.), впоследствии профессор (1873–1909 гг.).

¹³⁵ Казем-Бек (Мирза) Александр Касимович (1802–1870) — востоковед, первый декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (1855–1858, 1866–1870 гг.).

¹³⁶ Навроцкий Михаил Тимофеевич (1823–1871) — арабист, исправляющий должность экстраординарного профессора (1855–1871 гг.) факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

¹³⁷ Березин Илья Николаевич (1819–1896) — тюрколог, иранист, профессор (1855–1896 гг.) и декан (1870–1873 гг.) факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета.

¹³⁸ Прощение И. Я. Горлова об увольнении его с должности декана юридического факультета ввиду невозможности по состоянию здоровья исполнять обязанности декана сверх профессорских обязанностей было заслушано на заседании Совета университета 7 декабря 1870 г.

¹³⁹ С. В. Пахман был избран деканом юридического факультета 21 декабря 1870 г.

¹⁴⁰ Н. С. Таганцев был избран секретарем юридического факультета 2 ноября 1870 г.

¹⁴¹ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — славист, профессор историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1871–1899 гг.), впоследствии его декан (1883–1885 гг.). В 1871 г. защитил докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе».

¹⁴² Янсон Юлий Эдуардович (1835–1893) — экономист и статистик, профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1871–1893 гг.). В 1871 г. защитил докторскую диссертацию «Направления в научной обработке нравственной статистики».

¹⁴³ В 1871 г. священник М. И. Горчаков защитил диссертацию «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Святейшего Синода» на степенях доктора государственного права.

чим, что Горчаков сказал: «На что мне привилегии; вы дайте мне лучше то, что мне присудил Бог. Что вы говорите о привилегиях, а свободы проповеди и нет». 14-го февраля, в неделю православия¹⁴⁴, был акт¹⁴⁵. Отчет читал Таганцев; за Хвольсона¹⁴⁶ его речь о семитических народах читал Миллер, и медали по вызову ректора раздал министр¹⁴⁷. По филолог[ическому] факул[ьтету] была подана всего одна диссертация, на тему о Гусе — бывшим в нашей, 5-й, гимназии Анненковым¹⁴⁸, удостоенная золотой медали. Неудостоенных диссертаций всего было 3 и все — нашего факультета, в том числе брата нашего о[тца] Александра Исполатова¹⁴⁹, а про какую-то по финансовому праву автору сказали, что его сочинение, как простая компиляция, достойна порицания. Вероятно, ты поинтересуешься опять узнать, какие темы даны на следующий год: напишу тебе только по филол[огическому] фак[ультету]. Даны 3 и каждая на 2 года. В том числе одна по твоему предмету¹⁵⁰, да 4-я осталась с прошлого года — Платонов Феэтит. 1. Слав[янская] филология. На 2 года: В память Ербена. Об успехах изучения народной поэзии у западных славян с обозначением правил собирания, издания и объяснения памятников ее. 2. По каф[едре] римской словесности на 2 г[ода]. Светоний как источник для истории Римской литературы. 3. По каф[едре] греческой словесности на 2 г[ода]. Составить обстоятельный разбор русских переводов Илиады, составленный на сличении их с подлинниками. У нас даны по энциклопедии об обычном праве и по уголовному праву — о подстрекательстве. Теперь и не думаю даже братья за писание.

Приближаются экзамены, и все трусят. Хотя я и занимался в году, но все-таки боюсь из-за объема предметов; счастье еще, что Михайлова перенесли на август и Ивановско-го — на 3-й курс. Остается 7 экзаменов. Расписание их следующее: 15 апр[еля] — Градовский, 23-го — Горчаков, 5-го мая — Редкин, 11-го — Андреевский, 15-го — Лебедев, 20-го — Горлов, 27-го — Дорн. Может быть, ты вспомнишь обо мне в эти дни и пожелаешь успехов. Я тебе, кажется, писал уже, что летом перевел книжку Тобина <неразб.>. В ноябре я ее отдал в цензуру Михайлову, который, однако, не прочитал ее, но говорил, что читает, находит близким к оригиналу и в конце года сделает о ней заявление в Совет. После страшных морозов быстро у нас настала оттепель при большом ветре, и это произвело то, что теперь все улицы сухи, как весной, и тепло очень; грязь была не более 2-х недель. Однако такая перемена погоды произвела усиление холеры, о которой весь Петербург только и говорил в продолжение нескольких дней. Притом медики грозят оспой от незарытых будто бы трупов на полях военных действий, вследствие чего воспитательный

¹⁴⁴ Имеется в виду Торжество православия — праздник, совершаемый в первую неделю (т. е. первое воскресенье) Великого поста.

¹⁴⁵ Имеется в виду годичный акт Санкт-Петербургского университета.

¹⁴⁶ Хвольсон Даниил Абрамович (1819–1911) — профессор факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (1855–1909 гг.).

¹⁴⁷ Ректором университета с 1867 по 1873 г. являлся профессор зоологии Карл Федорович Кесслер (1815–1881), министром народного просвещения Д. А. Толстой (см. сн. 25).

¹⁴⁸ Анненков Георгий Семенович (1849–1885) — студент четвертого курса историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, впоследствии ученый-славист, историк. Часть упомянутой работы была напечатана в журнале Министерства народного просвещения: *Анненков Г. С. Чешские сочинения Гуса и время их написания* (Библиографические разыскания) // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Июль. Ч. СХСII. С. 253–266.

¹⁴⁹ Речь идет о студенте П. И. Исполатове (см. сн. 112), брате священника Александра Ивановича Исполатова (1835–1917 гг.) — клирика Воскресенской Малоколоменской церкви, настоятелем которой был протоиерей К. И. Опатович — отец В. К. Опатовича.

¹⁵⁰ По всей видимости, В. К. Опатович имеет в виду тему «Светоний, как источник для истории римской литературы», данную по кафедре римской словесности.

дом¹⁵¹ битком набит желающими привить себе оспу, так что весь запас ее в Петербурге истощился, и на несколько дней объявили, что не будут прививать, пока не привезут новой. В заключение мне остается еще рассказать тебе об одном происшествии, которое на днях тоже очень заняло петербургскую публику. В публичной библиотеке поймали вора, который оказался директором этой же публичной библиотеки. Его имя — Элоизий Пихлер¹⁵². Он католик, иезуит, но враг папской власти, в Петербурге недавно. В силу его иностранного подданства его думали было даже освободить от суда, но сам Государь¹⁵³ велел отдать его под суд. Он накрал, говорят, на 15 000 р. и все самых дорогих книг. Поймали же его так: долгое время он ходил в 2-х пальто. Это возбудило подозрение начальствующих, которые велели сторожу смотреть за ним и когда-нибудь при его выходе почистить ему пальто. Сторож исполнил это и за спиной выщупал какой-то том Августина. Все краденные книги были у него сложены в ящике для отправления за границу. Наконец позволь мне изъявить надежду, что у тебя найдется несколько лишних минут, чтобы написать поподробнее о том, чем была большая многоуважаемая тетенька, а также еще о чем-нибудь и за сим, поздравив Вас с наступающим праздником, попросить тебя пожелать благополучного исхода экзаменов твоему любящему брату

В. Опатовичу.

№ 6¹⁵⁴

Mi carissime frater!¹⁵⁵

Твое многолюбезное письмецо я получил на Пасхе как раз в то время, когда начал уже упитывать свою голову различными налогами, консисториями, детскими приютами, верховными философскими принципами, *actionibus rei persecutoriis*¹⁵⁶ и т. д. ... для предстоявших состязаний на зеленом столе. Теперь они кончились, я на всех выиграл, а потому и могу поблагодарить тебя за твое письмо и ответить своим. Ты, вероятно, уже наперед знаешь, что оно будет состоять из простой реляции. Что делать! За неимением способности писать иначе, о чем-нибудь другом, принужден ограничиться хоть этим. Прежде всего сообщу тебе, что результат экзаменов вышел получше прошлогоднего, ибо теперь из всех предметов я получил по 5. Тебе известно, что первый экзамен был у Градовского. Как первого, я его очень боялся и *febris examinalis*¹⁵⁷ настал за 1½ недели (между тем, как на прочих только за 1 день), тем более что он пользуется у нас цапальной *renommee*¹⁵⁸. Однако экзаменовал он при мне, на 1-й день, очень хорошо, срезал только 2-х, не знавших

¹⁵¹ Воспитательный дом ведомства императрицы Марии располагался на набережной реки Мойки под номерами 48–52.

¹⁵² Пихлер Алоис (1833–1874) — баварский теолог, доктор теологии, сверхштатный старший библиотекарь Богословского отделения Публичной библиотеки (1869–1871). За 19 месяцев служения в библиотеке украл 4478 книг и 427 гравюр, был пойман с поличным 3 марта 1871 г., за что уволен и предан суду, который приговорил его к ссылке на один год в Тобольскую губернию с последующим поселением в Сибири на два года, а также денежному взысканию. В 1874 г. помилован и вернулся в Баварию, где вскоре умер. См. о нем: *Голубева О. Д.* Пихлер Алоис Б. // *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь.* Т. 1. СПб., 1995. С. 408–411.

¹⁵³ Александр II (1818–1881) — российский император с 1855 г.

¹⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1074. Л. 14–15 об.

¹⁵⁵ *Mi carissime frater* (лат.) — мой дорогой брат.

¹⁵⁶ *Actionibus rei persecutoriis* (лат.) — исками для восстановления нарушенного состояния имущественных прав.

¹⁵⁷ *Febris examinalis* (лат.) — лихорадка экзамена.

¹⁵⁸ *Renommée* (фр.) — известность.

ровно ничего, а прочим ставил большей частью по 5. Всего же в 3 дня он срезал 30 человек, которые и перестали являться на следующие экзамены. Самый страшный экзамен был 2-й — у Горчакова. Никак бы я не мог предполагать, что это существо, пользовавшееся такой хорошей репутацией, могло так бессовестно рвать. Мы объясняем это двумя причинами: 1) на лекциях у него сидело обыкновенно только человек 5, и 2) за 2 недели до экзамена его выбрали в экстраординарные профессора¹⁵⁹. Спрашивал он не только весь курс до мельчайших подробностей, но даже и то, что он вовсе не читал, и если ему не умели отвечать на такие вопросы, ставил 4 и даже 3; при том держал каждого по $\frac{1}{4}$ часа и даже больше, так что я, бывший 20-м, освободился только к 4-м часам. Выпутался же я у него благодаря тому, что, будучи духовного звания, знаю многое из практики, и мог отвечать на его вопросы из нечитанного в курсе. Но такого ощущения, какое я испытал на этом экзамене, со мной еще не было: кровь прилила ко груди так, что она заболела, лицо горело и т. д. Впрочем Пальмин рассказывал, что Горчакову за это был выговор от факультета. Затем экзамен у Редкина был вовсе не редкинским экзаменом. Бедный старик, вероятно, очень устал и всем без зазрения совести лепил все пятерки (у него перед нашим экзаменом 4 дня продолжался экзамен 1-го курса). Особенно он был весел на 3-й день по следующему случаю (факт, описанный даже в газетах). Какой-то студент (кажется, Абрамов¹⁶⁰) вышел отвечать. Редкин ставит ему 5. «Этого много, г[осподин] профессор». — «Я ставлю баллы по совести, и поэтому не могу уменьшить вашей отметки». — «Да я не все знаю так хорошо, а прочее хуже». — «Но также может быть и тот, кому я ставлю 2, не знает только того билета, который ему выпал, а прочие знает, однако я не могу ему поставить 5». — «Нет, позвольте взять другой билет». Взял и ответил тоже отлично, но тем не менее продолжал свои странные претензии и требовал 3-й билет, однако Редкин прогнал его. После этого сряду какой-то другой вынул билет и сказал: «Это очень легкий билет, я его знаю; позвольте зараз и другой обдумать». Редкину чрезвычайно это понравилось, он ответил: «А, ну, хорошо, значит, я еще не всем надоел»; и все время после шутил. Нулей поставил всего не более трех, и всем после говорил: «Вот у меня славно 2-й курс отвечал; видно, что все народ уж развитой, не то, что на 1-м курсе». Следующие экзамены — у Андреевского, Лебедева и Горлова были очень легки. Первый дозволял выпрашивать отметки, 2-й — никому не ставил меньше 4-х, а 3-й позволял брать 4 билета, не уменьшая за это отметки (но только это было на 3-й день). Но курьезный экзамен был у Дорна. Он был назначен на 27-е число. Но так как предыдущий экзамен был 20-го, и, след[овательно], на подготовку было дано только 6 дней, а листов было 32, то все хотели идти на 2-й день, а на первый записалось только 30 человек. Между тем приезжает Делянов¹⁶¹. Отвечают все плохо, так что Делянов даже стал было выговаривать Дорну, зачем он ставит щедро баллы (меньше 3-х никому), но получивши ответ, что это последний экзамен, обратился в другую сторону и каждому студенту говорил: «Ну, видно, что знаете. Вы из какой гимназии?» Так что Дорн вынужден был ставить 5. Но вот запас 30 человек вышел. К счастью, Делянов уехал. Дорн вызывает, нет ли еще желающих. Таковых нашел 7 человек, которых и хватило до 1 часу — до завтрака. В 2 часа Дорн приходит — нет ни души. Он ждал $\frac{1}{2}$ часа и ушел, но, к нашему удивлению, на 2-й день тоже не резал. Теперь ты, я думаю, можешь представить мою радость после такого успешного окончания таких трудных экзаменов.

¹⁵⁹ М. И. Горчаков был избран экстраординарным профессором по кафедре церковного законодательства на заседании Совета университета 12 апреля 1871 г.

¹⁶⁰ Возможно, речь идет о студенте юридического университета Павле Егоровиче Абрамове (1851(?)–1913), впоследствии чиновнике Государственного контроля.

¹⁶¹ Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — товарищ министра народного просвещения (1866–1874 гг.), впоследствии член Государственного совета (с 1874 г.), министр народного просвещения (1882–1897 гг.).

Действительно, все 28-е мая у нас дом был вверх дном от излиятий моего восторга, чему также помогло присутствие Варв[ары] Ив[ановны], Васил[ия] Ив[ановича] (кстати скажу, что он получил кандидата, но не знает еще, куда пойдет на службу) и Анны Ив[ановны]¹⁶², присутствие которых веселило меня еще более.

Этим я закончу свою переписку, которою тебе докучал почти 2 года. Что ты из нее сделаешь: отдашь ли в печать или употребишь для благоволия, я не знаю; это твое дело. Во всяком случае я сдержал свое слово: обещал писать к тебе и писал по мере имения времени. Равным образом приношу и тебе искреннейшую благодарность за твои немногие строки, которые ты тоже присылал мне, несмотря на то что у тебя времени на это было мало. Итак, до скорого и приятного свидания. От тебя будет зависеть несколько сократить срок этого свидания, ибо ты можешь написать мне, в какой день вы выедете из Вержболова¹⁶³, и тогда бы я вышел вас встретить на Гатчинскую станцию. Там машина стоит минут 10, и мы могли бы обменяться парой слов и поцелуем. Не забудь передать мой последний письменный поклон многоуважаемой тетеньке и приезжай скорее.

V. e. t. a. p¹⁶⁴.

В. Опатович.

С. П. Б. 3 июня 1871 г.

№ 7¹⁶⁵

[16 апреля 1873 г.]

[Поздравление с заключением брака].

№ 8¹⁶⁶

Любезный брат
Иван Васильевич!

Хоть ты и не удостоил меня ответа на первое мое послание, я все-таки решаюсь послать тебе другое, сдав вчера благополучно еще один экзамен. Не взыщи, что мой рассказ будет односторонен: чем у меня голова занята, о том я и могу только писать, т. е. главным образом об экзаменах. Расстались мы с тобой, как ты, вероятно, помнишь, 2-го апреля. На другой день я в 1-м часу утра отправился на пропятие¹⁶⁷. В 7¼ был в швейцарской университета и успел записаться 26-м. К 8 часам вечера я был готов, получивши 5. Вообще, Таганцев экзаменовал довольно милостиво: держал каждого не более 25 м[инут], а меня даже 10–15 м[инут]. Сначала он ставил 5 совершенно не за что, но потом самым обыкновенным баллом стало 4. Тройки поставил на 1-й день только две, двойку — одну — и то позволили переэкзаменоваться. Между прочим, на другой день получил двойку твой знакомый В. Н. Всеволожский, тоже с правом передержки. П. И. Исполатов получил 4 и ему стало так досадно, зачем не 5, что с ним дома сделалась нервная лихорадка и 3 дня он не мог заниматься. На другой день я опять отправился в университет и написал Таганцеву

¹⁶² Предположительно общие тетя и дядя В. К. Опатовича и И. В. Помяловского.

¹⁶³ Вержболово — населенный пункт и железнодорожная станция на российско-германской границе.

¹⁶⁴ Так в рукописи.

¹⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1074. Л. 16–16 об.

¹⁶⁶ Там же. Л. 17–20 об.

¹⁶⁷ Пропятие — вид старинной казни, распятие на кресте.

письменный ответ. При это встретил Ф. Ф. Соколова¹⁶⁸, он узнал меня. «Здравствуйте». — «Здравствуйте». — «Держали?» — «Держал». — «5?» — «5». — «Ну, значит, отметка вышла золотая; много ли еще остается экзаменов?» Для подготовки к следующему экзамену, у Пахмана, время оказалось не весьма-то удобным: страстную неделю надо было отдохнуть от 1-го экзамена, на Пасхе утром — визиты, вечером — гости, на Фоминой неделе женился брат — тоже праздник, да еще нелегкая принесла германского императора, надо было его встретить, а потом посмотреть иллюминацию и зарю с церемонией 17-го числа — все вещи соблазнительные¹⁶⁹. В результате оказалось, что к 21-му апреля знание гражданского права было весьма жиденько. В 7½ часа успел записаться 29-м и в 2 часа получил 5. Пахман, к Пасхе получивший звезду, экзаменовал так, как и во сне, кажется, никому не снилось: если он ставил 3, то по справедливой оценке за ответ следовало бы поставить 1 или много 2. Но справедливость требует сказать, что и у Пахмана, и у Таганцева студенты, вероятно, зная, с кем будут иметь дело, приготовились очень хорошо, и любо было слушать, как отвечали. Тройку получил, между прочим, опять Всеволожский и опять с правом передержки. П. И. Исполатов получил опять 4, но отнесся, кажется, равнодушнее. Мне попал один из самых дурных билетов; при том же Пахман, спрашивая нас, получивших медали¹⁷⁰, был весьма придиричив. К следующему экзамену, Чебышева-Дмитриева, надо было готовиться добросовестнее, потому что этим предметом я совсем не занимался в году, не имея записок. Но курс оказался так гадко составлен, что его невозможно было приготовить как следует, при том же опять были обстоятельства, отвлекавшие меня. Самое главное из этих обстоятельств — именины, 23-го апреля. На этих именинах я провел время довольно весело, а потому и опишу их тебе подробнее. <...>¹⁷¹ В четверг, 3-го числа, Щелкуновы уехали и я, к сожалению, не мог их проводить, потому что 1) на другой день был экзамен; 2) поезд отходил очень поздно, в 11 час[ов] вечера. В этот же четверг появился в «Голосе» фельетон, который имел большое влияние на наш вчерашний экзамен. Угроздило автора обругать в нем Чебышева-Дмитриева за те фельетоны, которые последний пишет в «Биржевых ведомостях». Брань, как видно по крайней мере из статьи «Голоса», — вполне незаслуженная, написанная бестактно (даже открыли его фамилию, хотя он подписывается «Экс») и вообще осрамившая только редактора «Голоса» и автора фельетона¹⁷². Тем не менее эта статья произвела на Чеб[ышева]-

¹⁶⁸ Соколов Федор Федорович (1841–1909) — историк-эллинист, филолог-классик, эпиграфик, доцент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1868–1884 гг.), впоследствии профессор (1884–1909 гг.).

¹⁶⁹ Визит германского императора Вильгельма I (1797–1888, император с 1871 г.) в Санкт-Петербург проходил 14–26 апреля 1873 г. Торжественная встреча Вильгельма I состоялась 14 апреля, включая в себя, в частности, торжественный проезд германского и российского императоров от Варшавского вокзала до Зимнего дворца, их появление на дворцовом балконе перед приветствующей толпой. 17 апреля в день рождения российского императора Александра II перед Зимним дворцом состоялся концерт соединенных оркестров всех гвардейских полков, исполнявших русские и прусские военные и народные мелодии. Представление сопровождалось электрической иллюминацией, освещавшей исполнителей и толпу, заполнившую Дворцовую площадь.

¹⁷⁰ В конце 1872 г., будучи студентом четвертого курса, В. К. Опатович представил сочинение для соискания медали на тему по гражданскому судопроизводству, заданную юридическим факультетом, — «о соучастии третьих лиц в гражданском процессе в качестве сторон». Его работа была удостоена серебряной медали (см.: Журнал заседания Совета С.-Петербургского университета. 5 февраля 1873 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1872–1873 академического года с приложениями. № 8. СПб., 1874. С. 22–23).

¹⁷¹ Данный фрагмент письма посвящен описанию именин.

¹⁷² В. К. Опатович пишет о полемике против Экса (А. П. Чебышева-Дмитриева), развернутой в статье автора под псевдонимом «-ръ» на страницах «Голоса» (см.: Литературные и общественные курьезы // Голос. 1873. 3 (15) мая. № 121. С. 2–3).

Дм[итриева] свое действие: на экзамене он вместо пятерок пошел лепить 4, стал ругаться, придирается. При этом, хоть я и получил 5, но не могу воздержаться от того, чтобы не обругать Чиб[ышева]-Дм[итриева], разумеется, не за фельетоны его, которых я не читал, а за его отношение к университету и к студентам. Экзамены должны начинаться в 9 час[ов]. Я пришел в 7, записался 34-м и жду. 9 ч[асов] — его нет. Пришел Андреевский и тоже ждет его. 10 ч[асов] — нет. Наконец, Пальмин послал за ним вестового, потому что студентов собралось минимум человек 60. Приходит к 10 ч[асам] 40 м[инутам] «Виноват, из-за мостов». Пальмин говорит, что послал было за ним сторожа. «Да что же я, арестант что ли какой?». Начинается экзамен — за хорошие ответы ставит 4 и, главное, придирается. Его просят быть полегче, он соглашается, но все-таки не дает сказать слова, останавливает, придирается к каждому выражению. Презабавно и преглупо он обошелся с Моисеевым. Он окончил отвечать: «Довольно, 4». — «Да за что же? Ведь я все знал». — «Да, Вы знаете, я не спорю, но Вы отвечаете как-то очень наивно, не знаю уж как сказать». Спор продолжался несколько минут и только благодаря настояниям Андреевского вышло 5. С 2-х до 5 час[ов] назначен промежуток. К 5 час[ам] все собрались, ждут, — нет; насилу пришел к 6½ и я освободился только к 8 часам. Мне он дал ответить только слова 2: «Я его знаю, довольно, 5». Когда отвечал составитель его лекций, он сказал Андреевскому: «Он ведь у меня весь курс сочинил». Утром, поджидая его, я наткнулся в канцелярии на Андреевского; он поймал меня и очень ласково говорил около ¾ часа. Оказалось, что он знал отца и знает мою биографию. Главным образом говорил о службе, спрашивал, куда я намерен поступить и советовал не идти ни в суд, ни в Минист[ерство] иностранных дел, ни в департамент уделов, а в канцелярию Государственного Совета или в Комитет министров, говоря, что, насколько он знает мою голову, из меня выйдет хороший администратор, а не юрист, и что в департаменте надо только уметь нравиться начальнику, а у меня фигура весьма симпатичная. Я, разумеется, поблагодарил его. Однако довольно, надоело писать. Закончу письмо несколькими словами о предстоящем лете. <...>¹⁷³ Передай мой братский привет Екатерине Михайловне и не забывай твоего искренне любящего sugino¹⁷⁴

Вл. Опатовича.

С. П. Б. 5 мая 1873 г.

P. S. Маменька усердно кланяется тебе и Екатерине Михайловне¹⁷⁵.

№ 9¹⁷⁶

С. П. Б. 28 мая 1873 г.

Дорогой брат
Иван Васильевич!

Прежде всего считаю своим долгом благодарить тебя за твое расположение ко мне, выраженное в 2-х любезных твоих письмах. Мы их получили как раз в то время, когда я подплывал к берегу — перед экзаменом Мартенса. Теперь все эти экзамены уже в прошедшем, и я не без удовольствия оглядываюсь на тот омут, из к[ото]p[о]го, благодаря Богу, вышел цел и невредим. В самом деле, прошло менее 2-х месяцев с тех пор, как мы с тобой расстались, а между тем в это время и со мной, и с тобой успели совершиться такие дела,

¹⁷³ Данный фрагмент посвящен планам В. К. Опатовича на лето и новостям личного характера.

¹⁷⁴ Sugino (ит.) — двоюродный брат.

¹⁷⁵ Помяловская Екатерина Михайловна — супруга И. В. Помяловского.

¹⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1074. Л. 21–22 об.

которые оставят по себе следы по меньшей мере на всю нашу жизнь: ты из холостяка стал женатым, я из студента — кандидатом прав. Впрочем, на письме не место созерцательной философии, а потому, возрадовавшись и воздав хвалу Богу, перейдем к очередным делам. Написав к тебе письмо, я стал заниматься, но не гражданским судопроизводством, которого экзамен был на очереди, а международным правом, потому что 1-е я знал, а на подготовку к 2-му было дано очень мало времени. Пахман спрашивал так же хорошо, как и на первом экзамене, никому не ставил меньше 4-х, а меня с пятеркой выпустил в 5½ час[ов]. Международным правом после этого я занимался усилнее, чем другими предметами, и 23-го числа предстал перед свежеепеченным экстраординарным профессором. Желающих экзаменоваться на 1-й день оказалось очень мало, а потому я успел записаться 14-м и к 12 часа уже имел 5. Тем не менее справедливость требует сказать, что Мартенсу не грех было бы экзаменовать нас лучше того, как он экзаменовал. Он старался быть справедливым и не принимал в расчет ни того, что его экзамен был последний и что мы, более 3-х месяцев занимаясь усилнее, уже были утомлены, ни того, что его предмет очень велик, а на подготовку дано было мало времени, ни того, наконец, что у многих из нас не хватало кандидатских баллов, и что от него зависело добавить их. Поэтому то он и пересол в своей справедливости и сделался несправедливым. Достаточно тебе рассказать следующий случай. У одного студента, его хорошего знакомого, не хватало кандидатских баллов; он и поймал Мартенса перед экзаменом и сказал ему, что его судьба находилась в руках сего профессора: если последний ему поставит 5, то он будет кандидатом, если же менее, то действительным студентом. Мартенс ответил, что это будет зависеть не от него, а затем, когда пришла очередь сего юноши, он его пробрал так строго, как никого, и поставил 3. После Мартенса, 26-го числа был Сорокин¹⁷⁷. Я последовал большинству и записался на листе, чтобы он, не экзаменуя, поставил мне 3. Хоть я и готовился, и хотел держать, но меня подбили товарищи, и при том же он спрашивал каждого очень долго, так что мне бы пришлось отвечать ночью (экзамен начался в 7 часов вечера). Теперь немножко и разбирает досада, но все равно; хоть отметка и будет выставлена на дипломе, но предмет не обязательный. И так-с, мы, значит, теперь в чине 10-го класса¹⁷⁸; жду теперь утверждения, затем диплома, а затем и уедем. <...>¹⁷⁹

До свидания. Передай мой нижайший поклон Екатерине Михайловне, а я теперь в 1-й раз подпишусь

кандидат прав
Вл. Опатович.

P. S. Маменька также нижайше кланяется.

References

Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A. Barinov D. A. Opyt kollektivnogo portreta istorikov stolichnogo universiteta Rossiiskoi imperii. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 24–52. (In Russian)

¹⁷⁷ Сорокин Иван Максимович (1833–1917) — специалист в области судебной медицины и токсикологии, доцент юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1865–1882 гг.), впоследствии после перехода на основную службу в Военно-медицинскую академию оставался преподавателем университета (1882–1895 гг.).

¹⁷⁸ Согласно Университетскому уставу 1863 г., студенты, окончившие курс со степенью кандидата, в случае вступления в гражданскую службу утверждались в 10-м классе по Табели о рангах.

¹⁷⁹ В данном фрагменте В. К. Опатович объясняет свой отказ приехать во Флоренцию, делится планами поездки в Берлин и Дрезден, где предлагает И. В. Помяловскому встретиться, а затем отправиться в Саксонскую Швейцарию.

- Golubeva O. D. Pikhler Alois B. *Sotrudniki Rossiiskoi nacional'noi biblioteki — deiateli nauki i kul'tury. Biograficheskii slovar'*, vol. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo Rossiiskoi natsional'noi biblioteki Publ., 1995, pp. 408–411. (In Russian)
- Medvedev I. P. I. V. Pomialovskii i ego vklad v vizantinovedenie (po materialam arkhiva uchenogo). *Mir russkoi vizantinistiki: Materialy arkhivov Sankt-Peterburga*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 207–240. (In Russian)
- Mnogonatsional'nyi mir Peterburgskogo universiteta*, eds N. Ya. Olesich et al. St. Petersburg, [s. n.], 2010, 281 p. (In Russian)
- Rodosskii A. *Biograficheskii slovar' studentov pervykh XXVIII-ti kursov Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii: 1814–1869*. St. Petersburg, I. V. Leont'ev Publ., 1907, 552 p. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraia polovina XIX — nachalo XX vv.)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p. (In Russian)
- Rostovtsev E. A., Barinov D. A., Sosnickii D. A. Iuridicheskii fakul'tet Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta (1819–1917): opyt kollektivnoi biografii. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2015, vol. 4, pp. 112–127. (In Russian)
- Sidorchuk I. V. Biografika v kontekste sovremennykh issledovaniy po istorii Peterburgskogo universiteta. *Mezhdunarodnie otnosheniia i dialog kul'tur. Sbornik nauchnykh statei*, issue 4 (2015). St. Petersburg, 2016, pp. 224–235. (In Russian)
- Smyshliaeva V. P. Pomialovskii Ivan Vasil'evich. *Slovar' peterburgskikh antikovedov XIX — nach. XX veka*, vol. II. St. Petersburg, 2021, pp. 617–623. (In Russian)
- Tsvetaev I. V. Ucheno-literaturnaia deiatel'nost' prof. I. V. Pomialovskogo. *Filologicheskoe obozrenie*, 1897, vol. 2, pp. 191–203. (In Russian)
- Universanty v mire iskusstva: biograficheskie ocherki*, eds N. Ya. Olesich et al. St. Petersburg, [s. n.], 2008, 464 p. (In Russian)
- Universitet Olimpiiskii: sportivnyi mir Peterburgskogo universiteta*. St. Petersburg, [s. n.], 2013, 184 p. (In Russian)
- Znamenitye universanty v dukhovnom mire Rossii*, eds N. Ya. Olesich et al. St. Petersburg, [s. n.], 2011, 189 p. (In Russian)
- Znamenitye universanty. Ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*, vol. I. Eds N. Ya. Olesich et al. St. Petersburg, [s. n.], 2002. (In Russian)
- Znamenitye universanty. Ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*, vol. II. Eds N. Ya. Olesich et al. St. Petersburg, [s. n.], 2003. (In Russian)
- Znamenitye universanty. Ocherki o pitomtsakh Sankt-Peterburgskogo universiteta*, vol. III. Eds N. Ya. Olesich et al. St. Petersburg, [s. n.], 2005. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2023 г.

Рекомендована к печати 15 июля 2024 г.

Received: November 27, 2023

Accepted: July 15, 2024